

Я очарован слогом письма Пушкина...

Николай I — Бенкендорфу,
сентябрь 1826

*Я познакомился с поэтом Пушкиным.
Рожь ничего не обещающая. Он читал
у Вяземского свою трагедию “Борис
Годунов”.*

А. Я. Булгаков, московский
почт-директор — К. Я. Булга-
кову. 5 октября 1826

Все смуты похожи одна на другую.

Пушкин — Бенкендорфу,
16 апреля 1830

Если бы современные исследователи писали аннотацию к этому произведению, то она вполне могла выглядеть так: “В основу данной трагедии положены реальные исторические события, относящиеся к эпохе ранних “цветных революций”.

Могучее и успешное государство размером в четверть Европы подвергается агрессии со стороны некой малочисленной частной военной компании (ЧВК), состоящей из всякого международного сброда. Правительственные войска не оказывают ей сопротивления, и она триумфально входит в столицу.

Народ приветствует вторжение и, подстрекаемый атаманами ЧВК, пытается физически устранить законного верховного правителя страны. Однако его в том опережают представители верхушки властвующей элиты, ликвидирующие главу государства.

Автор скрупулёзно исследовал работы современников — свидетелей этих событий — и попытался адекватно передать их дух и содержание. Для верного понимания и истолкования происходившего он разработал оригинальный метод, с помощью которого попытался перевести смысл и содержание идей и понятий описываемых им событий на язык современного ему читателя. Это было достигнуто с помощью первоначальных смыслов лексем, трансформированных в процессе общественно-исторического развития.

Свидетели и очевидцы государственной катастрофы, незнакомые с основами социально-экономического и классового анализа социально-политических конфликтов, а также теорией молекулярной культурной революции А. Грамши,

товоклали случившееся преимущественно идеалистически – в религиозно-мистическом духе. С учётом этого обстоятельства для адекватного прочтения и уяснения смысла использованных источников, автор, разделяющий по большей части воззрения своих предшественников, использует в своём исследовании определённый набор лексикологических средств, обращение к исконному смыслу которых позволяет осуществить адекватный перевод содержания понятий прошлого на язык современности.

Для специалистов в области истории, социологии и политологии. Наглядно демонстрирует возможности эффективного использования культурных кодов электората при осуществлении государственных переворотов”.

Прочитав такую аннотацию, можно подумать, что речь идёт о каком-то фантастическом триллере или увлекательном детективе с элементами прогностики, выпущенного с ведома или по наущению спецслужб из серии “Библиотека военных приключений” (была у нас такая в 50-е годы).

Однако речь идёт, как нетрудно догадаться, о “Борисе Годунове” А. С. Пушкина – о нашей с вами истории, что пуще любой фантастики.

Как исключительно точно подметил Ив. Киреевский, в “Борисе Годунове” Пушкин развил тему **фактических** последствий царевубийства. И то, что вследствие этого рухнуло государство, должно наводить – особенно современного читателя! – на размышления о том, что есть Царь православный и каково его место в существующем миропорядке.

По прошествии времени даже самые невероятные исторические события начинают казаться обыденными и легко объяснимыми: они превращаются в привычные, лишённые покрова загадочности и непостижимости, столь поражавшие современников. Вот и события русской Смуты воспринимались в пушкинские времена в качестве *преданий старины глубокой* – чем-то вроде сказки со счастливым концом для взрослых и детей. А ведь было чему поражаться! Гибель Московского государства от “бродяги” и “ничтожной толпы его сообщников” являлась событием куда более катастрофичным, нежели Русская трагедия 1991 года, а по своему “невероятию” и глубине едва ли не превосходила катастрофу 1917 года.

Уже в пушкинские времена сему приискивались объяснения: дескать, народ устал от тиранства Годунова со всеми из того вытекающими последствиями. Однако при этом как-то забывалось, что в истории случались тиранства и похлеще годуновских, которые, тем не менее, безропотно сносились. Разумеется, раз на раз не приходилось, но всё же...

Современники же Русской смуты не видели никакого иного объяснения случившемуся, кроме вмешательства сил неземных, потусторонних, ибо всё произошедшее на их глазах превосходило всякое воображение и описание. Жившие в ту пору русские люди ещё не были обработаны кислотами идей гуманизма, Просвещения и потому не были убеждены в том, что “всем распорядком на земле управляет сам человек”.

“Борис Годунов” – вещь предельно мистическая, несмотря на столь же предельную ясность формы. Особенность мистики пушкинского “Бориса Годунова” заключена в том, что в нём нет никаких “мистических спецэффектов”, вроде “тени отца Гамлета” или ведьм, как у Шекспира. Всё очень рационально, и мотивы действующих лиц прозрачны и понятны. Просто всех засасывает воронка Смуты, как бы сама собой образующаяся. Иными словами, как только оказывается нарушен установленный Богом Порядок, весь социальный организм охватывает судорога. И тотчас же, словно бес из табакерки, объявляется Самозванец – орудие Смуты. У него, возомнившего себя своевольным субъектом, а не объектом Промысла Божия, свои, чисто личные мотивы “возглавить процесс”, однако он всего лишь невольник разворачивающихся событий.

Не случайно последний раз в трагедии Самозванец появляется в сцене “Лес”, из которой мы узнаём, что всё войско его “побито в прах”. Казалось бы, полная катастрофа. Но нет! Запущенный некогда процесс вносит окаянного Гришку Отрепьева в Кремль, словно Цезаря в Колизей. Уже одним этим Пушкин показывает, насколько волен Самозванец в своей судьбе, каковы “пределы и параметры” его “свободы”. Делать Гришке Отрепьеву в пьесе и впрямь больше нечего, и он оказывается... за ужином. Но не там, где он ест, а там, где едят его самого: “у него как раз собрался некий сейм “политических червей”¹, как говорит принц датский.

И тут в пору обратиться к этимологии слова “**мистика**” – “**мистикос**”, по-гречески.

Слово “мистик” происходит от глагола посвящать, приносит в жертву. Корень этого слова – костный мозг, глубинная структура. То есть, “мистикос” означает нечто, относящееся к глубинным структурам человека и общества.

Вторую часть слова можно рассматривать как суффикс, а можно и как второй корень (в греческом языке это довольно частое явление). “Стикос” означает “татуированный”, “заклеймённый”. Иными словами, “мистикос” может означать и “заклеймённые глубины”. Помните слова весьма популярного некогда гимна? “Вставай, проклятьем заклеймённый”? Эти слова не случайны. По учению святых отцов (например, Макария Великого), сатана – древний змей – живёт именно в глубинах сердца грешника. “Мистикос”, в таком случае, будет дословно означать призывание прячущегося в бездне человеческого сердца змия. Тут можно вспомнить йогические и тантрические практики “пробуждения змея кундалини” в Индии, но тут мы уже углубимся в такие дебри, из которых можем и не найти выхода. Или вернёмся совсем не такими, какими бы нам хотелось. А то и вовсе не вернёмся.

Вот и Достоевский приходит на ум: “Тут дьявол с Богом борются, а поле битвы – сердца людей”...

Как говорил царь Давид, глубоко сердце человека, и только Бог может познать его. Оно подобно морю, в котором живут разные гады, животные малые и великие: страсти, злые привычки, гордыня, ненависть, злоба, зависть, блуд, нечистота, волшебство и чародейство. Эти страсти в разной степени живут в сердце человека. А над ними скрывается дьявол, действующий через страсть гордыни. Отсюда и это: “Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит” (**Пс. 50:18**).

Борьбу страстей в сердце человеческом Пушкин также отразил в своей трагедии.

Пушкин писал своего “Годунова” в своём родовом гнезде на Псковщине. “Там русский дух... там Русью пахнет!” Здесь молодой, удалённый из столиц, подозреваемый в атеизме вольнодумец (не только политический, но и религиозный – автор почти что богохульных стихов) замысливает написание народной трагедии. Точнее, она сама приходит ему на ум. Он изучает русские летописи, Жития святых. И поразительное дело! После возвращения из ссылки он больше не напишет ни одного сомнительного в религиозном отношении стиха, ни единой строчки!

В “Борисе Годунове” Пушкин заявил себя в качестве православного художника, то есть человека, в основе внутреннего мира которого, включая художественный, мировоззренческий, идейный и проч., лежит матрица православных (евангельских) ценностей.

Истоки и источники

Для расшифровки скрытых тем и пластов пушкинской трагедии нам необходимо будет погрузиться в старинные источники, проникнуться их духом. Справедливость пушкинских слов о том, что в летописях он “старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени”, подтверждали исследования пушкинистов дореволюционной поры. Летописями дело не ограничивалось. Так, в академическом издании сочинений А. С. Пушкина 1916 года ряд исторических источников указываются прямо: это, прежде всего, так называемый “Новый Летописец”, Житие царя Феодора Ивановича, составленное патриархом Иовом (точнее: **“Повести о житии царя Феодора Иоанновича”**. – Б. К.), Сказание Авраамия Палицына, Грамота об избрании Бориса Годунова, “Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства” и пр. (М. 1781, 1788). “Много известий о времени Бориса и Самозванца было собрано кн. Щербатовым в VII томе его “Истории Российской”. Пушкин имел в своей библиотеке и “Древнюю Российскую Вивлиофику” Новикова, и сочинение капитана Маржерета “Estât de l’Empire de Russie”, Р. 1669 в новейшей перепечатке 1821 года. Таким образом, наряду с подробностями, взятыми у Карамзина, в “Борисе Годунове” встречается много такого, что было почерпнуто непосредственно из источников. В этом отношении следует, прежде всего, отметить, что и первоначальное заглавие пьесы: “О настоящей беде Московскому государству и о Гришке Отрепьеве” взято из “Летописи о многих мятежах и о разорении Московского Государства”, на которую указывал сам Пушкин и которую он читал, конечно, в издании Н. И. Новикова” (**Сочинения**

Дух использованных Пушкиным источников очень интересен, и он отражён в пушкинской трагедии в качестве вполне определённого – религиозно-мистического – видения, понимания и объяснения событий, и для его расшифровки в “Борисе Годунове” от читателя требуется понимать и толковать слова в их истинном, изначальном смысле и значении. Именно лексическими средствами Пушкин добивается передачи духа и смысла творчески переработанных и усвоенных источников.

Таким образом, первейшим условием выполнения поставленной нами задачи будет адекватное понимание, прочтение и истолкование слов и понятий, содержащихся в пушкинском тексте, вложенных автором в уста своих героев. Такие слова, как “чары”, “ворожба”, “колдун” несут отнюдь не “художественно-аллегорический”, а прямой и совершенно однозначный смысл, ускользающий от современного читателя, да и от читателя пушкинской поры: уже тогда в умах образованной публики “стихийный материализм” цвёл махровым цветом.

Понимание и трактовка трагедии напрямую зависят от того, кто её читает и интерпретирует: верующий человек или неверующий. Религиозное и материалистическое прочтение трагедии дадут два совершенно разных результата, свидетельство чему – советская атеистическая филология. А ведь трагедия писалась тогда, когда существование двух миров – мира горнего, идеального, высшего и мира земного, причём миров сосуществующих и взаимопроникающих при безусловном верховенстве мира горнего – было официальной государственной доктриной.

Дерзнем утверждать, что “Борис Годунов” – это продолжение традиций русской литературы XVII века, в которой Самозванец объявлялся “сыном тьмы”, а не просто политическим авантюристом, каковым его, в сущности, изобразил масон Н. Карамзин.

В “Плаче о пленении и о конечном разорении Московского государства” прямо говорится: “Явился предтеча богоборного антихриста, сын тьмы, родич погибели, из чина иноческого и дьяконского и вначале светлый ангельский чин отринул и отторгнул себя от участи христианской, как Иуда из пречистого сонма апостольского. И бежал в Польшу и там скрижали сердца своего бесчисленными богомерзкими ересями наполнил и, тьмообразную свою душу ещё больше предавая в руки сатаны, вместо святой христианской веры греческого закона лютеранскую треокаянную веру возлюбил. И бесстыдно назвал себя царём Димитрием, вечнопамятного царя Ивана сыном, утверждая, что избежал рук убийц”.

Да, в “просвещённые” пушкинские времена такую интерпретацию личности Самозванца, обращённую к тому же “образованной и просвещённой публике”, сочли бы “экстремистской” и воспринимали бы её, как минимум, в качестве проявления “обскурантизма”, “мракобесия”.

Но было и есть над чем задуматься при погружении в столь невероятную даже по нынешним меркам историю. Однако то, что воспринималось на Руси в XVII веке в качестве “шествия Бога в мире”, то есть исключительно с религиозной точки зрения, в “просвещённый” пушкинский век стало восприниматься сугубо обмирщённо, “посюсторонне”, атеистично. Для “просвещенцев” такое понятие, как святость, или рассказы о младенце-чудотворце – “поповские сказки”. Уже в XVIII веке священная и мистическая по своей природе фигура Православного Царя перестала восприниматься “образованными людьми” в качестве таковой, а в веке XIX считалась и вовсе первым чиновником государства. Сам же век Просвещения стал веком узаконенных цареубийств. Религиозный запрет на убийство монарха был давно снят с повестки дня, и оставался лишь вопрос о его чисто политических издержках.

Отважimsя утверждать, что, написав свою трагедию, Пушкин рассказал современным ему языком мистическую историю двухсотлетней давности о Самозванце, расставив для понимающих слова-“маячки”.

Истинное и невероятное

Гай Светоний Транквилл предпосылал каждой из биографий двенадцати цезарей рассказ о знаменьях, предварявших судьбоносные моменты в жизни своих героев. Свидетели и очевидцы зафиксировали такие знаки и в судьбах Самозванца и Бориса Годунова.

Историк С. М. Соловьёв перечисляет знаменания, предшествовавшие предшествованию Самозванца: "...в народе шли разговоры о странных явлениях, предвещавших что-то удивительное: на небе по ночам сражались друг с другом огненные полчища, являлось по два месяца, по три солнца; неслышанные бури сносили верхи башен и кресты с церквей, у людей и животных рождались уроды; птица и рыба, приготовленные для стола, теряли свой настоящий вкус; собака пожрала другую собаку, волк – волка; волки ходили огромными стаями и выли страшным образом; лисицы среди белого дня бегали по Москве; летом 1604 года показалась яркая комета; Борис призвал старика астролога, которого выписал из Лифляндии, и велел дьяку Афанасию Власьеву спросить у него, что это значит? Астролог отвечал, что Господь Бог этими новыми звёздами и кометами остерегает государей: пусть и царь теперь остережётся и внимательно смотрит за теми, кому доверяет, пусть велит крепко беречь границы от чужеземных гостей.

Опасные гости в самом деле шли к границам Московского государства: 15 августа 1604 года Лжедмитрий выступил в поход” (*Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. // Сочинения в 18 кн. М., “Голос”; “Колокол-Пресс”, 1993–1998. Т. 8).*

В свою очередь Н. М. Карамзин писал, что в день своего триумфа – въезда в Москву, “когда Лжедмитрий чрез Живой мост и ворота Москворецкие выехал на площадь, сделался страшный вихрь: всадники едва могли усидеть на конях; пыль взвилась столбом и заслепила им глаза, так что Царское шествие остановилось. Сей случай естественный поразил воинов и граждан; они крестились в ужасе, говоря друг другу: “Спаси нас, Господи, от беды! Это худое предзнаменование для России и Дмитрия!”

Смерть великого авантюриста тоже сопровождалась знаменаниями. Как писал в своих воспоминаниях голландский торговец и дипломат Исаак Масса, “когда тело [Дмитрия] убрали, в ту самую ночь в окрестностях Москвы содеялось великое чудо, ибо все плоды, как злаки, так и деревья посохли, словно были опалены огнём, да, и так [было] на двадцать миль вокруг Москвы, да и вершины и ветви сосен, которые всё время, и зимой и летом, бывают зелёными, повысохли так, что жалостно было глядеть. Того ради москвиты говорили, что он [Дмитрий] и мёртв, но душа его с помощью дьявола творит чары, поэтому почли за лучшее сжечь его тело и, отыскав, взяли его, а также крепость, которую он повелел зимой выставить для потехи на лёд и которую прозвали **чудищем ада**, и отвезли за Москву на речку Котёл и там сожгли и прах развеяли по ветру, и полагали, что, совершив всё это, будут жить без страха и заботы...

Затем во всей стране наступил жестокий мороз, который также погубил большую часть плодов, так что они и не знали, что сказать, ибо он [Дмитрий] уже был сожжён; и они глядели друг на друга, не ведая, по какой причине это случилось” (*Исаак Масса. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей. С. 147–149).*

Карамзин добавляет о жестоких морозах, что “**суеверие** приписывало такую чрезвычайность волшебству расстриги и **видело какие-то ужасные явления над его могилою**; чтобы пресечь сия молву, тело мнимого чародея вынули из земли, сожгли на Котлах и, смешав пепел с порохом, выстрелили им из пушки в ту сторону, откуда Самозванец пришёл в Москву с великолепием! Ветер развеял бранные остатки злодея; но пример остался”.

При всём том, что история с Самозванцем называется Карамзиным “неимоверной”, никакой “мистической составляющей” в его повествовании не ощущается. Скорее, наоборот: он ищет и находит сугубо мирские, посюсторонние причины, объясняющие события Смутного времени, часто используя масонскую фразеологию. В историческом повествовании писателя мы не найдём слов “Бог”, “Господь”, зато мы встречаем у него типичные масонские выражения: “Святое Провидение”, “Вера и надежда Небесная”, “Действие сверхъестественное”.

Пушкин, посвятивший Карамзину свою трагедию “Борис Годунов”, тоже, на первый взгляд, даёт сугубо земную картину Смуты. Но лишь на первый взгляд – беглый и невнимательный. Мистика происходящего, как мы уже говорили выше, зашифрована в пушкинской лексике.

“Инфермальную” версию образа Самозванца Пушкин даёт очень дозированно, осторожно и скупно. Сейчас трудно разобрать, где Пушкин следовал

духу Смутного времени, а где выразил свою личную точку зрения на личность Самозванца. Тем не менее, текст есть текст. Начнём с того, что сон инока Чудова монастыря Григория есть искушение, бесовское наваждение. Он и сам прекрасно понимает природу своего троекратно виденного сна:

*А мой покой **бесовское** мечтанье
Тревожило, и **враг** меня мутил.
(Здесь и далее выделено автором. — Б. К.)*

Что же это за враг, “мутивший” инока? Нетрудно догадаться. Это “враг рода человеческого”, диавол².

Троекратное повторение навязчивого сна — знак того, что “послание” иноку Григорию из миров запредельных далеко не случайно, а имеет характер “настоятельной рекомендации”, а то и “прямого указания”. Как бы то ни было, а сделку с дьяволом Григорий совершил. В своей прелестной грамоте “к Синклиту, к большим Дворянам, сановникам, людям приказным, воинским, торговым, средним и чёрным” Самозванец называл Бориса Годунова “**лукавым**”. Об этом писал Карамзин. То было ничем иным, как “демонизацией” царя со стороны Лжедмитрия. Не сказать, что она была несправедливой. Но в том и её лукавство.

Самозванец изображён и у Пушкина лицедеем — льстецом, лжецом. Поведенчески, психологически Самозванец близок всему “театральному”, “актерскому”. Показательно, что когда тело убитого — исторического Самозванца — было выставлено на позор на Лобном месте, то в рот ему засунули дудку, на брюхо положили маску или, как говорили в старину, “харю”, под мышку — “пузырь”, то есть скоморошью волюнку.

Через сто с лишним лет другой самозванец — Емельян Пугачёв — скажет на следствии: “Бог решил наказать Россию через моё окаянство”.

“Через моё окаянство”.

Этимология же слова “окаанный” такова: ‘проклятый, безбожный, греховный, нечестивый, проклятый, нечистая сила, бес, чёрт’.

Соответственно “жить в окаянстве” означает пребывать в состоянии греховном, нечестном, нечестивом и — самое важное и главное! — состоянии **одержимости бесами, проклятом**.

Григорий и сам в том признаётся в своей гордыне: “Виновен я; гордыней обуюяный, // Обманывал я Бога и царей, // Я миру лгал; но не тебе, Марина . . .”

“Обманывал Бога” звучит до крайности комично. Это и впрямь редкая гордыня. А может, сидевший в нём бес и впрямь был уверен в том, что удачно обманывал Бога? О том же свидетельствуют и исторические источники. Читаем у Исаака Массы: “Мы хотели обмануть Бога”, — писал современник, один из знатных ляхов, уверяя бессовестно, что король и республика не участвуют в Димитриевом предприятии” (*Исаак Масса. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей. С. 85. http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/mas_txt.htm*).

Самозванец по природе своей — лжец. Бесовский сын. Сын отца лжи.

Расстрига Григорий толкуется Авраамием Палицыным в главе четвёртой “О розстриге Григории и о смерти царя Бориса” его “Сказания. . .” как антихрист, посланный сатаной. Дальнейшее изложение приобретает ещё более драматический характер: антихрист Григорий в союзе с иноверцами пытается не просто захватить Русь, но искоренить последнее в мире государство, сохраняющее православную веру. При таком осознании событий взаимосвязь частного (грех царя) и общего (бедствие государства) становится закономерной”. Любопытно, что чернокнижником называли Григория и ляхи. А что такое чернокнижник? Это человек, заключивший договор с дьяволом. Вот и академик А. М. Панченко в своём фильме “Русские цари. Самозванец на троне. Фильм второй” называл исторического Григория Отрепьева “чернокнижником” и “русским Фаустом”. Замечательный русский учёный говорил в своём фильме о Лжедмитрии как о человеке, заключившем — в самом натуральном смысле — союз с нечистой силой.

И вот “явился предтеча богоборного антихриста, сын тьмы, родич погибели, из чина иноческого и дьяконского и вначале светлый ангельский чин

оттормозил и отторгнул себя от участи христианской, как Иуда из пречистого сонма апостольского” (*Плач о пленении и о конечном разорении Превысокого и Пресветлого Московского государства. В пользу и в поучение слушающим*).

Когда знаменитый писатель XVII века Иван Тимофеев говорил о том, что Лжедмитрий “получил власть от бесов, благодати не суши”, “еретическими наступив ногами царствопомазание”, “не было на лжецаре благодати, и не от Бога был он венчан на царство”, то он выражал не только своё личное, но и господствующее в своё время мнение.

В Примечании 50 Б. А. Успенский отмечает, что самозванцы ВОСПРИНИМАЛИСЬ как колдуны постольку, поскольку они воспринимались как самозваные, ряженные цари (*Успенский Б. А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 109*).

Теперь посмотрим, как характеризуется Самозванец персонажами пушкинской трагедии. Патриарх говорит о Григории как о “сосуде дьявольском”, “врагоуднике”, “бесовском сыне”, “расстриге **окаянном**”, “воре”, “бесстыднике” (“Он именем царевича, как ризой // *Украденной, бесстыдно обличился*”).

Пушкину недостаточно внешней характеристики героя, взгляда на него со стороны другого персонажа, кого-то извне. Он непременно дополняет образ взглядом героя на самого себя. “Дублирует” тезис, не давая тем самым повода сомневаться в правильности выдаваемой герою “характеристики”. Два главных героя – Борис и Самозванец – описываются не только другими персонажами, но и исповедуются сами. И наложение одного видения героя на другое придаёт его образу устойчивость, доказывая читателю его объективность и истинность.

Одна существенная деталь: Патриарх, характеризуя действия Григория, на первое место по тяжести преступления ставит преступление беглеца против Веры (объявление себя “царём”) и лишь на второе – чисто “государственное” преступление (угождение сеянием смуты врагам-иноземцам, супостатам). Так мог поступить и впрямь лишь “бесовский сын”.

Самозванец же вослед за Патриархом и сам признаёт себя “врагоудником”. Признаёт себя Отрепьев и обманщиком, лицедеем: “. . . и поляков безмозглых обманул”. Таковым его считает и Пушкин (разумеется, не только автор трагедии, но и её персонаж), называя Григория “**смелым плутом**” и “**бесстыдным самозванцем**”. “Безумный розстрига”, “окаянный”, “обуреваемый велехвальной гордыней” – так характеризует Самозванца в своём “Сказании” Авраамий Палицын.

Еретик

Когда русские источники XVII века говорят о Самозванце, непременным эпитетом его становится “**еретик**”. Иной современный читатель “Бориса Годунова”, тем более знакомый с высказываниями современных либеральных богословов, усмехнётся: “Ну, какая же ересь содержится в “послании” Гришки Отрепьева: “Буду царём на Москве!” Мало ли кто вообразит себя испанским королем, что ж с того?”

Надо сказать, что Пушкин и сам дал повод для такого отношения к делу. Вспомним сетование Патриарха: “Уж эти мне грамотеи! Что ещё выдумал! Буду царём на Москве!.. Эдака ересь!.. Ведь это ересь, отец игумен”.

“Ересь, святой владыко, сущая ересь”, – с готовностью поддакивает своему начальству Игумен. Здесь, однако, как подчёркивает известный отечественный исследователь Б. А. Успенский, следует помнить, что слово “ересь” на Руси было довольно многозначно. В просторечии и быту слово “еретик” звучало крайне оскорбительно, а словосочетание “еретическая книга” означало, помимо прочего, “волшебная”, “колдовская”. Фольклорные источники говорят, например, о некой “еретической книге”, которую постоянно читает Лжедмитрий (*Успенский Б. А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 91*).

“Чудова монастыря недостойный чернец Григорий, из роду Отрепьевых, впал в ересь и дерзнул, наученный дьяволом, возмущать святую братию всякими соблазнами и беззакониями”³.

“Греху раб и еретик”, — обличал в глаза Самозванца, ставшего уже царём, благочестивый и мужественный дьяк Тимофей Осипов, о чём повествует Авраамий Палицын.

“Беглым монахом, который **дьявольским научением и еретическим умыслением** назвался именем царевича”, предстаёт Самозванец в “Сказании о Гришке Отрепьеве” — памятнике политической литературы XVII века.

Если истинные цари получают власть от Бога, то ложные цари получают её от дьявола. Так на Руси традиционно раскрывается духовная суть самозванцев, ибо это не просто авантюристы или узурпаторы власти, а нечто более серьёзное и страшное: дьявольское. Ведь именно здесь кроется тот возмущающий нынешних либералов, в том числе и церковных, факт, что Церковь предавала самозванцев анафеме.

“Тень Грозного меня усыновила”

Инфернальность фигуры самозванца подчёркивается Пушкиным не только указанием на то, что он еретик. Автор использует и иные лексические средства. Многие раскрываются в сцене у фонтана, когда Самозванец **гордо**, как свидетельствует авторская ремарка, говорит Марине: “Тень Грозного меня усыновила”.

Уместно будет напомнить, что синонимами слова “тьень” являются “призрак”, “привидение”. Тотчас же приходят на ум “Тень отца Гамлета” и “бродячий по европам призрак”. Помнится, призрак отца Гамлета “неуязвим, как воздух”, был приговорён по ночам скитаться, а днём томиться в мучительном серном пламени, “пока грехи земной природы не выжгутся дотла”.

Итак, “усыновило” Самозванца **привидение** царя Иоанна, **призрак** Грозного царя, а не душа его, не дух его. Но что такое привидение? Это странствующая без пристанища, не упокоенная, не отпетая душа. Но Иван Грозный был отпет, как ему по чину и полагалось, — по царскому чину. Так что привидений никаких не должно было и не могло быть. Разумеется, это метафора, которую использует Самозванец. Ну да, ему “знаком латинской музы голос”, не правда ли? А если тень Грозного — это бесовское искушение — и впрямь являлась ему? Как бы то ни было, а указание на **нечистый** характер “усыновления” инока Григория в пушкинском тексте присутствует, причём явственно.

В статьях “В зрелой словесности приходит время...” (1828) и “Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина” (1833) Пушкин упоминает балладу Катенина “Ольга” — вольный и оригинальный перевод баллады Г. А. Бюргера “Ленора”. Пушкин отмечает простоту и “даже грубость выражений”, когда слово “**сволочь**” заменяет “**воздушную цепь теней**”. Напомним, что под “**сволочью**” у Катенина имеются в виду “**адски духи**”. Таким образом, “тьень” и “адски духи” становятся синонимами.

Интересно и то, в какой момент беседы с **гордою** полячкой Мариной произносит самозванец свои **гордые** (подчеркнём это! Опять гордыня! — **Б. К.**) слова. Уже после того, как он признался Марине, что является вором. Однако гордыня — не единственное, что роднит и объединяет Самозванца и Марину. Марина тоже живой мертвец.

“Мёртвая царевна”.

Помнится, кавалер на балу у воеводы Мнйшка говорит о ней следующее:

... мраморная нимфа:

Глаза, уста без жизни, без улыбки...

Но этого мало. Пушкин добавляет ещё одну реплику, усиливающую впечатление тлена:

Нет! полно:

Я не хочу делиться с мертвецом

Любовницей, ему принадлежащей.

“Любовница мертвеца”. Разумеется, логически рассуждая, речь идёт совсем о другом: о том, что Марина любит царевича в Димитрии, а не Димитрия в царевиче. Однако, согласитесь, слово произнесено: “любовница мертвеца”. А какая любовница может быть у мертвеца? Неужто исполненная жизни?

Это какое-то сборище ходячих мертвецов.

Однако лукавый не дремлет. Завладев мёртвой царевной, он мигмом отрешляет Самозванца, готового отказаться от претензий на Царство из любви к гордой полячке, и через унижение принуждает к исполнению заключённого договора. Показательно, что бесовский трюк будит в Григории гордыню, таящуюся под личиной чувства собственного достоинства. Дьявол не выпустит душу Самозванца из рук. Сама же Марина видится Самозванцу змеей: “пута-ет, и вьётся, и ползёт...”

“Змея”, “смерть”, с которой приходится лукавить и изворачиваться, как заправскому лицедею. И это никакая не “змеедева”. По Пушкину, это обыкновенная змея, укус которой смертелен. **“Она меня чуть-чуть не погубила”**.

Итак, похоже чувство Самозванца к Марине на любовь? Едва ли. Это страсть — чувство, как учат нас Святые отцы, опасное и греховное. И производит монолог о своей пылкой “любви” Самозванец, находясь в состоянии, которое можно было бы назвать **исступлением**. Тоже известное и характерное для одержимого состояние. И ничего иного в разговоре с “мёртвой царевной” быть не может.

В этой связи логично предположить, что Пушкин исключил сцену в уборной, в которой упоминается “алмазный мой венец”, как противоречащую образу холодной мёртвой властолюбивой. В ней Марина ещё не верит в то, что может стать русской царицей, а желание надеть алмазный венец для свидания с царевичем придаёт образу живость, дышит жизнью.

В сцене звучит и реплика камеристки Рузи о застрелившемся из-за несчастной любви к Марине молодом Хоткевиче.

Наложить на себя руки — исключительно дурной знак, погубление души. Так что и здесь звучит тема смерти, а Марина выступает в качества ядоносного “анчара”: смерть зовёт смерть.

Любопытно в этой связи одно обстоятельство, о котором вполне мог знать Пушкин: два брата Мнишков, Юрий (отец Марины) и Николай успели “прославиться” в тёмной истории. Они были обвинены в сводничестве, поставке любовниц, знахарок и чародеев самому королю Сигизмунду-Августу. Правда, до официального предъявления обвинений и начала судебного расследования дело всё же не дошло. Так что и над реальной Мариной Мнишек витал дух “знахарства” и “чародейства”.

“Хранит его, конечно, провиденье” Странности поведения

Нет! Это всё что угодно, только не холодный расчёт и даже не “безумство храбрых”:

*Назавтра бой! их тысяч пятьдесят,
А нас всего едва ль пятнадцать тысяч.
С ума сошёл.*

Так характеризует ситуацию сподвижник Самозванца. Это просто безумие. Объяснить такую “удаль и отвагу” рационально невозможно. Это и ставит в тупик подельников Самозванца. И вот он наголову разбит. И что же? Рвёт на себе волосы? Нет! Говорит о том, что сделает из немцев, только что изрядно потрепавших его войско, своих преторианцев. И его поведение можно объяснить непоколебимой внутренней убеждённости в победный исход дела. Одним словом, строит радужные планы на светлое будущее.

Можно, конечно, сказать, что Самозванец сошёл с ума и пребывает в некой “виртуальной реальности”. Именно такими видятся со стороны его поведение и реакции. Но если сделать предположение, что Самозванец получил твёрдые гарантии от своего “куратора” из преисподней, то тогда всё становится на свои места.

Карамзин: “Лжедмитрий был всегда впереди, презирал опасность и взором спокойным искал, казалось, не врагов, а друзей в России”. И действительно, неслыханная удача способствует ему вопреки всякой логике и нехватке “материальных ресурсов”. Проще говоря, Самозванца “ведут”.

*Разбитый в прах, спасаясь побегом,
Беспечен он, как глупое дитя;
Хранит его, конечно, провиденье...*

Можно сказать, что “провиденье”, а можно — и “дьявол”. Из истории хорошо известны случаи, когда дерзкий субъект делает всё себе на погибель, но неизменно выигрывает. Причём вопреки всякой логике, всякому здравому смыслу, вопреки теории вероятностей. И удача его фантастична, так что в пору задуматься о тех силах — “волшебных и потайных”, что его “ведут”. До поры до времени.

Вспомним хотя бы фантастические успехи и “заговорённость” Наполеона, его Сто дней, когда ему без единого выстрела сдались Гренобль, Лион и, наконец, Париж, и Гитлера, которого, помнится, называли нередко “бесноватым”. Правда, в аллегорическом смысле и больше ради красного словца. Наперекое всему, вопреки воле своих генералов и фельдмаршалов, он совершал дерзкие шаги, казавшиеся сумасшедшей авантюрой и грозившие неминуемой катастрофой, и неизменно, к изумлению тех же генералов и фельдмаршалов, выигрывал.

“Везение” Самозванца было настолько впечатляющим, что нам сейчас весьма затруднительно адекватно оценить его масштабы. Слово Карамзину: “Ляхи надеялись вести своего Царя в Москву без кровопролития; увидели, что надобно ратоборствовать; не любили ни зимних походов, ни зимних осад — и как легкомысленно начали, так легкомысленно и кончили: объявили, что идут назад, будто бы исполняя указ Сигизмундов не воевать с Россиею в случае, если она будет стоять за Царя Годунова. Тщетно убеждал их Лжедмитрий не терять надежды: осталось не более четырёхсот удалцов Польских; все другие бежали восвояси, а с ними и горестный Мнишек”.

Дело казалось окончательно проигранным, и Самозванца спасла лишь решимость тех, кому совсем нечего было терять, приобретали же они удавку. “Уже лишённый всей надежды, разбитый наголову, почти истреблённый, с горстью беглецов унылых, — пишет Карамзин, — он хотел тайно уйти из Путивля в Литву; изменники отчаянные удержали его, сказав: “Мы всем тебе жертвовали, а ты думаешь только о жизни постыдной и предашь нас мести Годунова; но ещё можем спастись, выдав тебя живого Борису!””

О том же писал И. Масса: “...он [Дмитрий] вознамерился сам предпринять поход к Новгороду-Северскому, оставив в Путивле тех, коим более всего доверял, и укрепить также все города, коими он владел, хорошо защитив их от всякого нападения; но подступил с отрядом к Новгороду-Северскому, где стояло его войско. По прибытии туда [Дмитрий нашёл], что некоторые **польские капитаны, дворяне и всадники, придя в уныние, говорили, что невозможно завоевать такую страну, равную целому миру**, ибо у них для того так мало силы и войска, говоря: “Ежели мы не можем взять такого маленького городка и каждодневно ожидаем нападения большого московского войска, то что будем делать, когда подступим к большим городам? Всё, что мы приобрели до сих пор, отпало к нам по большей части само; сверх того, мы ссудили его всем без малого вероятия что-либо вернуть” и приводили ещё другие подобные жалобы, и впадали в совершенное уныние; того ради Дмитрий был весьма опечален, смиренно просил их не приходиться в уныние и не впадать в трусость”.

Сейчас трудно себе вообразить, но Самозванец не взял ни одного города “копьем и мечом”: все города и веси были взяты подметными (“прелестными”) грамотами — “листовками” того времени. И тут в пору вспомнить Наполеона, прошедшего через двести лет прогулочным шагом по маршруту о. Эльба—Париж без единого выстрела.

Если вдуматься, успех самозванца был ошеломляющим и, с земной точки зрения, происходил как бы “из ничего”. Его современники не были историческими материалистами и потому смотрели на вещи трезвее, рассматривая его феномен с религиозной точки зрения. Авраамий Палицын писал: “Четвёртую бо часть всея вселенная, всю Европию, в два лета посланными своими **прельсти... И аще не бы Господь сверг того велехвальную гордыню, то и мог бы сиа соделати**”.

“Сын тьмы, родич погибели”, — говорится о Самозванце в “Плаче о пленении и о конечном разорении Московского государства”. О том же свидетельствовало и народное сознание.

Правда, неизменное выпадение “зеро” в этом казино сменяется в один прекрасный миг тотальным проигрышем. В воздухе начинает пахнуть серой, и слышится чей-то безудержный хохот.

Уже войдя в Москву, оградив себя иноземными телохранителями и видя тишину в столице, уклончивость, низость при дворе, Лжедмитрий совершенно успокоился: он верил какому-то предсказанию, что властвовать ему предстоит целых 34 года. “Повествуя же о себе на тридесять и четыре лета жития си, — пишет Авраамий Палицын, — **но друзи его беси не придаша много лет жития**. И Златоустаго писание на сем збысться реченое такову убо честь беси приносят любящим их”.

Весьма образно пишет о бесславном конце Самозванца и св. Димитрий Ростовский: “Наделав много зла, погиб с шумом”. Показательно, что и пушкинский Борис рассматривает Самозванца в качестве порождения некоего инферно. Вспомним, как воспринимает царь своего врага — как **тьень, как призрак**.

Опять **“тьень-призрак-привидение”!** Тёмная сила. Нечистая сила. Опасения Бориса сбываются: бои с тенью-призраком-привидением становятся изнурительны и бессмысленны. Тень ускользает и вновь обретает материальную силу. Это становится для Бориса сущим **наваждением**.

Царь Борис

“Был он злоковарен и **лукав**”, — пишет в своём “Временнике” о Борисе Годунове Иван Тимофеев. “Лукавым” называл Годунова в своих “прелестных грамотах” и Самозванец.

Борис — преступник. Но преступник особого рода. Он цареубийца, “святоубийца”, как называет его Карамзин. То, что учинил Борис, может совершить лишь тот, кто не просто переступил “порог” (“Тварь я дрожащая или право имею?..”), а вступил в сделку с нечистью (“Нечисто, князь”, — говорит Воротынский Шуйскому, когда тот рассказывает ему об убиении царевича Димитрия по приказу Годунова). Напомним, что “нечистый” — это синоним дьявола.

То, что совершил пушкинский Борис, было не просто тяжчайшее государственное преступление, как сказали бы сегодняшние юристы. Для православного человека это, в первую голову, преступление против Бога и Веры. Так оно неизменно воспринималось и “квалифицировалось” в православном государстве. А посему строительство “государства” на крови православного царя немыслимо, ибо богопротивно. И, следственно, строится “на песце зыбучем”.

Как может устоять царство, если зиждется оно на цареубийстве?

У нас у всех в памяти школьный урок, на котором “разбирались” размышления Бориса о своём несчастном царствовании — “политический вывод”:

*Живая власть для черни ненавистна,
Они любить умеют только мёртвых.*

Необъяснимое поведение народа

Ещё одной загадкой для Бориса является поведение народа в ответ на его царские милости:

*Они ж меня, **беснуясь**, проклинали!
Пожарный огонь их дома истребил —
Я выстроил им новые жилища.
Они ж меня пожаром упрекали!
Вот черни суд! Ищи ж её любви...*

То же самое он повторяет Басманову:

*Нет, милости не чувствует народ:
Твори добро — не скажет он спасибо;
Грабь и казни — тебе не будет хуже.*

Маленькая справка о том знаменитом пожаре: в 1591 году накануне праздника Троицы, когда царь Фёдор Иванович с боярами был в Троице-Сергиевом монастыре, в Москве начался большой пожар. За несколько часов сгорели улицы Арбатская, Никитская, Тверская, Петровская до Трубы, весь Белый город и за ним Посольский двор, Стрелецкая слобода и все дома, находившиеся за рекой Неглинной.

И во “Временнике Ивана Тимофеева”, и в “Сказании” Авраамия Палицына этот редкий по силе и загадочный по своему характеру пожар рассматривался как прямое следствие действий Бориса Годунова. Это бедствие Тимофеев ставит в вину Годунову, который будто бы хотел отвлечь им царя от решения ехать в Углич на похороны царевича Димитрия, а москвичей — заставить забыть о смерти царевича. Пушкину было хорошо знакомо и “Сказание” Авраамия Палицына, и “Временник” Ивана Тимофеева, и труды св. Димитрия Ростовского и их мистическая версия происхождения того ужасного пожара, равно как и многих других, случившихся одновременно с Московским, не менее чудовищных. Так что недоумение пушкинского Бориса по поводу “несправедливых погрёбов” можно рассматривать как “гиперссылку” Пушкина на сочинения русских авторов XVII века, в которых те раскрывали его смысл в качестве наказания.

Действительно, поведение народа в пушкинской трагедии в ответ на милости царя выглядит, с точки зрения здравого рассудка, совершенно необъяснимым. Точно так же думает и Борис. И так будет рассуждать всякий, кто вслед за ним мыслит в рамках известной социологической и политологической схемы: “если... , то...”

Получить ответ на вопрос о причинах “иррационального” поведения поданных Борис не в силах. Не даёт на него ответа и “лукавый царедворец” Шуйский, который лишь фиксирует свои наблюдения и констатирует, что:

*... бессмысленная чернь
Изменчива, мятежна, суеверна,
Легко пустой надежде предана,
Мгновенному внушению послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
И баснями питается она.
Ей нравится бесстыдная отвага...*

Не идёт дальше фиксации этого наблюдения за поведением народа и Басманов:

*... Что на него смотреть;
Всегда народ к смятенью тайно склонен.*

У Пушкина подобная “необъяснимость” соотносится с фантастическими и тоже рационально необъяснимыми и умом непостижимыми успехами Самозванца. И получается, что не Самозванец с Борисом плывут вольной волею по волнам событий, а их “влечёт неведомая сила”, причём безо всяких стараний со стороны “пловцов”⁴.

Ситуация складывается как-то сама собою, и тогда, когда успех Бориса кажется близким, а положение Самозванца безнадежным, случается независящее от их воли НЕЧТО, радикально меняющее ситуацию исключительно в пользу Самозванца. Впору подумать о “философии истории” Пушкина.

Загадочно и поведение народа, свято и крепко веровавшего в чудесное спасение Димитрия, в силу чего любые доводы власти воспринимаются как ложь. Когда предают анафеме Гришку Отрепьева, реакцией народа становится: “Пускай себе проклинают; царевичу дела нет до Отрепьева”. Когда же поют вечную память убиенному Царевичу, народ негодует: “Вечную память живому! Вот уж им будет, безбожникам”.

Вера в чудесное избавление царевича принимает характер эпидемии. И никакие рациональные доводы и “вещественные доказательства” не действуют. Так что без вмешательства незримых сил бесплотных объяснить тут что-либо едва ли возможно. То состояние, в котором пребывает народ, можно обозначить как **наваждение, прелесть**.

Два чародея

Царь и Самозванец образуют бинарную пару. Они два полюса, два центра, вокруг которых вращается всё. Неправда одного (Бориса) усиливает неправду его врага (Самозванца). И наоборот: едва с целью посрамления Лжедимитрия была высказана идея выставить на всеобщее обозрение и поклонение святые мощи убиенного царевича, как следует военная катастрофа

Самозванца. Однако инициатива Патриарха благополучно кладётся под сукно (выставить мощи, у которых совершаются исцеления, означает признать насильственную смерть царевича, а Бориса — цареубийцей), и тотчас же войско Годунова терпит жестокое поражение. В своём исследовании о “Борисе Годунове” эту тему искусно препарировал В. С. Непомнящий (**В. Непомнящий. ПУШКИН. Избранные работы 1960-х — 1990-х гг. Т. I. Поэзия и судьба. М., “Жизнь и мысль”, 2001. С. 204–206**).

Есть ли нечто, объединяющее Бориса и Лжедмитрия? Да. Оба они преступники, оба одержимы похотью власти, и оба к власти не призваны, а двигаются своею преступной волею. Но этого мало: на уровне мистическом оба они воплощают зло и пользуются злыми чарами, что, как известно, не каждому дано. Сравним: Борис, как говорит Шуйскому Воротынский, “умел и страхом, и любовью, и славою народ **очаровать**”. Самозванец же, как говорит Пушкин Шуйскому, “**обворожил московских беглецов**”.

Борис “**очаровал**”, Самозванец “**обворожил**”.

Смотрим в словарь Даля:

“Обвороживать или обворожать, обворожить кого, околдовать, очаровывать, обаять, оволговать, окудесить, обойти, озевать, ошептать, заговорить; обморочить, наслать мороку, мару, ману, пленять, восхищать, заставить одобрять что безусловно”.

Синоним — “очаровывать”.

Если понимать пушкинские слова трагедии в их исконном значении, то получается, что оба — и Борис, и Самозванец — действуют, как **чародеи, то есть прислужники врага рода человеческого**. И движет ими похоть власти.

Между прочим, “волхование”, колдовство считалось в царствование Ивана Грозного и затем при правлении и царствовании Годунова самым страшным государственным преступлением. И Пушкин не мог этого не знать.

Любопытно, что точно такой же похотью власти **одержима** и Марина Мнишек.

Тут стоит вспомнить, что говорил в своём Письме о “Борисе Годунове” о реальной Марине Мнишек сам Пушкин: “У неё была только одна страсть: честолюбие, но до такой степени сильное и бешеное, что трудно себе представить. Посмотрите, как она, вкусив царской власти, опьянённая несбыточной мечтой, отдаётся одному проходимцу за другим, деля то отвратительное ложе жида, то палатку казака, всегда готовая отдаться каждому, кто только может дать ей слабую надежду на более уже не существующий трон. Посмотрите, как она смело переносит войну, нищету, позор, в то же время ведёт переговоры с польским королём, как коронованная особа с равным себе, и жалко кончает своё столь бурное и необычайное существование. Я уделил ей только одну сцену, но я ещё вернусь к ней, если Бог продлит мою жизнь. Она волнует меня, как страсть. Она ужас до чего полька”.

Да что Марина! Уже и Басманов, видя перед собой пример Бориса, подумывает о царстве: “У царского престола стану первый... // И может быть...”

За Борисом числится, по Ивану Тимофееву, “рабская смертоубийственная дерзость и недостойное воцарение”, за Гришкой Отрепьевым — “присвоение расстригой святого имени царевича” (“**Временник**” **Ивана Тимофеева**).

Развивая тему *inferno*, Пушкин показывает связь Бориса с силами “волшебными и потайными”, то есть тёмными. Эта тема звучит в диалоге двух стольников. И когда один говорит о том, что царь “заперся с каким-то **колдуном**”, другой отвечает ему:

Так, вот его любимая беседа:

Кудесники, гадатели, колдуны.

Всё ворожит, что красная невеста.

Желал бы знать, о чём гадает он?

Кто таковы “кудесники, гадатели, колдуны”? Какая ещё может быть “ворожба” у православного царя? Это же прямое общение с бесами! Что хочет выяснять православный царь и даже просто православный человек у колдуна?

На этот вопрос отвечает сам Борис: “Напрасно мне кудесники сулят // Дни долгие, дни власти безмятежной”. То есть он испрашивает у “экстрасенсов”, сколько проживёт и прочна ли будет его власть. А “экстрасенсы”, разумеется, ему врут. Да Борис и сам им не верит.

И что же это за “православный” такой, если он яхшается с нечистой силой, испрашивая советов у служителей тьмы? Обращаться к волшебникам, с православной точки зрения, – великий грех. Сам Бог через пророка Иеремию говорит следующее о тех людях, которые обращаются за помощью к волшебникам: “Не слушайте... волхвующих вам... ни чарований ваших, ни обаятелей... яко лжу прорицают... вам” (Иер. 27: 9-10); а святые отцы и правила Святых Соборов отлучают от общения церковного как самих волшебников, так и тех, которые ищут у них помощи.

Святой Иоанн Златоуст учит: “Аще и Святыя Троицы имя глаголется на таких, аще и святых будут призывания, аще и знамение крестное наводится, бежати подобает сицевых и отвращатися”.

Грех волшебства относится к разряду грехов против первой заповеди, когда люди, оставив веру в Силу Божию, верят тайным и, большею частью, злым силам тварей, в особенности злых духов, и стараются действовать ими. И в грехе волшебства виновен и тот, кто верит в тайные силы тварей, и тот, кто сам действует этими силами.

И ещё. Как наставляют Святые отцы, будущее знать человеку, мягко говоря, не полезно. И желающий узнать его тотчас же попадает в сети лукавого, нечистого. А если Бог и открывает кому тайны, то только святым угодникам, и то нечасто. И уже тем более не будет Он открывать Свои тайны преступникам против веры.

Как мы помним, Пушкин наглядно изобразил, чем оборачивается простое человеческое любопытство относительно своего будущего: вещей Олег становится жертвой “вдохновенного кудесника”, откровенно спровоцировавшего его гибель своим прорицанием.

Обращение реального Годунова к ворожеям и колдунам – факт исторический, который Пушкин, безусловно, знал, хотя бы благодаря Карамзину.

О том же свидетельствовал и Исаак Масса: “Борис был в таком отчаянии, что, зная, что истинный Димитрий мёртв, не доверял сам себе и часто терял рассудок; он спрашивал у многих, однако, не называя себя: может ли человек, совершивший то, что он совершил, спасти себя, а когда отвечали: да, ежели [такой человек] придёт к покаянию и будет молиться об отпущении грехов, исповедуясь в них, то он, Борис, возражал, что это невозможно, и, сомневаясь в Божьем милосердии, он иногда думал, что в будущей жизни нет блаженства, одним словом, был исполнен безумия.

Также ходил он часто к ворожее, которую в Москве считают святою и зовут Елена Юродивая.

Она живёт в подземелье подле одной часовни, с тремя, четырьмя или пятью монахинями, кои находятся у неё в послушании, и живёт она весьма бедно. Эта женщина обыкновенно предсказывала будущее и никого не страшилась – ни царя, ни короля, но всегда говорила всё то, что должно было, по её мнению, случиться и что подчас сбывалось. Когда Борис пришёл к ней в первый раз, она не приняла царя, и он принуждён был возвратиться; когда он в другой раз посетил её, она велела принести в пещеру короткое четырёхугольное бревно; когда это было сделано, она призвала трёх или четырёх священников с кадилами и велела совершить над этим бревном отпевание и окадить его ладаном, дав тем уразуметь, что скоро и над царём Борисом совершат то же самое. Царь более ничего не мог узнать от неё и ушёл опечаленный...” (*Исаак Масса. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей. С. 84 www.hist.msu.ru/ER/Etext/mas_txt.htm*).

Случилось это в самый разгар вооружённой борьбы с Самозванцем. Однако для нас важно, что Пушкин выбрал именно эту черту в его характере, очевидно, для того, чтобы показать связь Бориса с тёмными, потусторонними (“инферральными”) силами.

Надо сказать, что и реальный Самозванец тоже недалеко ушёл в этом отношении от своего побеждённого соперника. По словам И. Массы, та же самая Елена юродивая предсказала Димитрию смерть. “...но когда Димитрию донесли об этом [предсказании], он посмеялся над ним, не обращая внимания на болтовню безумных и одержимых старух...; речи, которые она говорила против царя, были невелики, и их можно передать словами поэта: *Dumque paras thalamum, sors tibi fata parat* – И пока ты готовишь брачный по-

кой, рок вершит твою участь) (Исаак Массса. Краткое извещение о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей С. 127–128. http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/mas_txt.htm).

И это предсказание сбылось.

“Лукавый Шуйский”

Лукавы в трагедии многие её герои. Лукавым называет Шуйского Воротынский. Лукавым же называет на смертном одре Шуйского и Борис, рекомендуя своему сыну Феодору этого боярина в... советники! При этом лукавство боярина упоминается в паре с таким его положительным свойством, как смелость, то есть эпитет “лукавый” звучит чуть ли не в положительном плане!

“Уклончивый, но смелый и лукавый”, – говорит себе Борис. А перед этим Борис произносит следующее: “А Шуйскому не должно доверять”. Да, много загадок задал нам Александр Сергеевич! Напомним, что Карамзин характеризует Шуйского так: “Князь, равно честолюбивый, лукавый и смелый”. Говорит он и о “бессовестности Шуйского”.

“Уклончивый, но смелый и лукавый” у Пушкина и “честолюбивый, лукавый и смелый” у Карамзина. Слова вроде бы те же, но смысл различается. Теперь давайте рассмотрим этимологию слова “лукавый”. Мы давно уже сделали его синонимом слова “хитрый”, шутивное обозначение “коварный”. Однако первооснова его совсем иная!

“Лукавый” значит “злой”, “дурной”, “неправедный”.

“Лукавый” – это дьявол. Соответственно, выражение “от лукавого” означает “от дьявола”. Бинарная пара – “ложь” и “лукавство”⁵.

“И не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго!”

“От всякого лукаваго пути я удерживал ноги мои, чтобы хранить слова Твои” (Пс. Кафисма 17 Аллилуиа, 118).

“Удалитесь от меня, лукавые, и я буду поучаться в заповедях Бога моего” (там же).

“Женская лукавая любовь”, о которой говорит Григорию Пимен.

*“Ходящие в путех неправых,
От уст лиющи лъстивый мёд,
Сплетатели сетей лукавых,
Блюдущи потаённый след...”* – писал пиит Ермил Костров.

Откроем словарь В. И. Даля. Читаем: “Лукавый, хитрый и умышляющий, коварный, скрытный и злой, обманчивый и опасный, криводушный, противоречивый, двуличный и злонамеренный. В виде сущ. бес, дьявол, сатана, нечистый, злой дух. Вся неправда от лукавого”.

“Не казнь страшна; страшна твоя немилость; // Перед тобой дерзну ли я лукавить?” – говорит Борису Шуйский. И тут же лукавит!

Вспомним сцену “совещания у царя” (“Царская дума”), когда Патриарх предлагает “эффективное” и неборимое средство: перенести в Кремль святыне мощи, поставить их в Архангельском соборе:

*Тогда обман безбожного злодея
И мощь бесов исчезнет, яко прах.*

У этих мощей уже исцелялся народ. Но... Молчание. Ибо чудотворные мощи опровергают официальную версию о гибели царевича Димитрия в результате несчастного случая, подтверждая слухи о его мученической кончине⁶. И тогда вступает в дело Шуйский, предлагающий вроде бы благочестивые, а по сути лукавые доводы:

*Не скажут ли, что мы святыню дерзко
В делах мирских орудием творим?
Народ и так колеблется **безумно**,
И так уж есть довольно шумных толков:
Умы людей не время волновать
Нежданною, столь важной новизною.*

Заметим, лукавый Шуйский говорит не о святых мощах царевича Димитрия, а об “останках”. Пушкин и здесь в одном слове рисует образ изворотливого и двуличного царедворца. А ведь ранее он говорил о том, что “детский лик царевича был ясен” (**лик** может быть только у святого!), в то время как на остальных убитых “уж тление приметно проступало”, “Димитрий во гробе **спит**”⁷.

Показательна в этой связи ремарка Пушкина: “**Молчание**”.

Да. Все собравшиеся понимают простую вещь: если это мощи, то, следовательно, царевич убит по приказу Годунова, согласиться выставить их в Архангельском соборе – значит косвенно признать Бориса цареубийцей. Непростое положение.

“Кругом измена, трусость и обман”.

В данном случае, обман должен стоять на первом месте: “Кругом обман, измена и трусость”.

В начале царствования бояре говорят: “Не изменим присяге, нами данной”. Свою верность присяге они подтверждают и сыну Бориса Феодору. Верность их длится недолго, а измена становится повальной: все торопятся оказаться в стане победителя.

У Карамзина в 11-м томе “Истории государства Российского” несколько раз звучит тема “безмолвия”, “молчания”. Когда речь зашла о заговоре Шуйского, то автор говорит: “Не было ни разногласия, ни безмолвия сомнительного”. Пушкинская ремарка “Молчание” как раз и говорит о такого рода “сомнительном безмолвии”, когда зреет измена и никто не хочет идти царю на выручку.

Бояре, православные вроде бы люди, не изъявляют желаний посрамить Самозванца, ибо его посрамление означает одновременно и посрамление убийц царевича, и, в конечном итоге, Годунова. Вывод один: лукавы все. За исключением Пимена и Юродивого. А тот, кто не лукав, тот обманут, как народ.

Пушкин прослеживает, как царь Борис всё более погружается в тёмные бездны. Что говорит Борис перед смертью своему сыну Феодору?

*Опасен он, сей **чудный** самозванец,
Он именем **ужасным** ополчён. . .*

Сравним с репликой Карамзина: “Сей человек назывался именем ужасным для Бориса и любезным для России!”

Однако у пушкинского Бориса вор, еретик, сосуд диавольский и проч., и проч. – Самозванец – награждается вполне нейтральным эпитетом “**чудный**”, а имя убиенного царевича, в святости которого ему не приходится уже сомневаться, объявляется “**ужасным**”. Так святой царевич становится кошмаром царя Бориса. Но кому может внушать ужас имя святого? Сыну тьмы. Так Борис и Самозванец окончательно становятся “близнецами-братьями”, признающими *de facto* и *de jure* “суверенитет” и “верховенство над собой нечистой силы. И подтверждает это Юродивый.

Юродивый

Тема Юродивого в отечественном литературоведении вроде бы исчерпана. Однажды, правда, кто-то обратил внимание на то, что у Пушкина народ при виде Юродивого шумит и расступается, как если бы то был Царь.

Юродивого зовут Николка. Цензура во избежание ненужных аллюзий этого имени не пропустила: Царь на момент написания и опубликования трагедии тоже был Николай.

Что ж, поговорим об Юродивом. Кстати, в первом и ряде последующих изданий пушкинской трагедии, вплоть до издания О. П. Морозова 1887 года, когда Юродивый в соответствии с пушкинским замыслом становится Николкой, он называется “Железный колпак” и Юродивый, а не “Николка”, как в оригинале авторской рукописи. Тут вмешалось в дело цензура: Царя ведь звали Николай.

Автору неизвестны исследования, в которых бы раскрывался смысл песенки юродивого Николки. Все помнят её с детства:

– Месяц светит,
Котёнок плачет,
Юродивый, вставай,
Богу помолися!

Казалось бы, чисто иллюстративная сцена. Однако есть одна тонкость. Существуют сказки о мертвце, в которых говорится или поётся нечто иное, а именно:

Месяц светит.
Мертвец едет...

В суворинском издании сочинений А. С. Пушкина 1905 года говорится: “Мы внесли *позднейшую поправку* рукописи в его песню: “Месяц светит”, вместо неуклюжего: “Месяц едет”, тем более что Пушкин, конечно, знал народное присловье: “Месяц светит, мертвец едет” (*Сочинения А. С. Пушкина / Редакция П. А. Ефремова. Издание А. С. Суворина. Том VIII: Примечания, добавления и поправки. СПб, 1905. С. 411*).

Да. Первоначально у Пушкина было “месяц светит”, но в самый последний момент оно было заменено на “неуклюжее”, по мнению комментатора, “месяц едет”, точно так же как возглас народа “Да здравствует царь Димитрий Иванович!” был заменён на “Народ безмолвствует”.

Сюжет “Месяц светит, мертвец едет” присутствует в русских сказках Забайкалья, вологодских сказках, быличках, бывальщинах и т. д. Этот сюжет был хорошо известен Пушкину. Его упоминал или пересказывал в своих произведениях П. Катенин (баллада “Ольга” (Из Бюргера) (1816, 1831):

Месяц светит, ехать споро;
Я, как мёртвый, еду скоро.

Поминает известное присловие и Н. Лесков в своём романе “Обойдён-ные”. “Месяц светит, мертвец едет, не боишься ли ты меня, добрый молодец?” – спрашивает героиня романа Лескова Дора.

Предположим, что в песенке Юродивого месяц тоже появляется не случайно. Пушкин придавал ему особое значение, что видно из его статьи о Катенине “Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина” (*Пушкин А. С. Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина // Собрание сочинений в 10 томах. Т. 6. М., “Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 90*).

Напомним, что в ней он давал высокую оценку катенинскому переводу из Г. А. Бюргера “Ленора”, превратившемуся в самостоятельное произведение “Ольга”, и балладе “Убийца”, в основу которой легла вольная переработка баллады Р. Саути “Суд Божий над епископом”. В ней месяц выступает в качестве свидетеля и фактически судьи злодея.

В “Ольге”:

Месяц светит, ехать споро;
Я, как мёртвый, еду скоро.

В “Убийце” жертва напоминает своему губителю:

Есть там свидетель, он увидит,
Когда здесь нет людей.

И свидетель этот – месяц. Финал же баллады таков, что убийцу настигает расплата.

Заметку “В зрелой словесности приходит время...” Пушкин написал в 1828 году – ещё до выхода “Бориса Годунова”, а статью “Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина” – в 1833 году. А в промежутке – в 1830 году – он напишет своих “Бесов”, где будут фигурировать и “сволочь” (“тени”, бесы), и месяц.

*Вижу: духи собрались
Средь белеющих равнин.
Бесконечны, безобразны,
В мутной **месяца** игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...*

И кружились они, надрывая сердце Пушкину и ставя в тупик советское литературоведение, полагавшее, что образ бесов стихотворения – зримый символ “николаевской реакции”.

Таким образом, песенка юродивого Николки должна была бы звучать так:

*Месяц светит.
Мертвец едет.
Котёнок плачет,
Юродивый, вставай,
Богу помолися!*

По чью душу едет мертвец в сказках сказаниях и балладах? Он едет погубить душу того, кто его призывает, поддавшись искушению и соблазну, впадшего в “прелесть”. Таковы Ленора в балладе Г. А. Бюргера “Ленора”, Ольга в балладе П. Катенина, невеста в сказках и сказаниях, к которой является и которую уносит с собой жених, оказывающийся вдруг мертвецом, губящим её душу и тело.

А вот в опере М. Мусоргского Юродивый поёт “Месяц едет”. Для чего потребовалось Пушкину усечение известного присловья? Можно предположить, что создатель “Бориса Годунова” сознательно рассчитывал на то, что глаз читателя или ухо слушателя будут “спотыкаться”, не обнаружив привычного словосочетания, что заставит их задуматься над смыслом “опущения” мертвеца.

Вспомним, когда появляется у Пушкина Юродивый? Появляется он тогда, когда власть начинает воспринимать угрозу себе со стороны Самозванца самым серьёзным образом и тщится предпринять экстренные и эффективные меры “контрпропагандистского” характера. Меры же “силового” характера не дают чаемого результата при всей видимости успеха. Вернее, дают, но кратковременный. Побиваемый раз за разом Самозванец вновь и вновь оказывается неким чудесным образом на коне и угрожает власти Бориса уже всерьёз.

Предположим, что “едушим мертвецом”, которого подразумевает в своей песенке Юродивый, является Самозванец – “бесовский сын”, “еретик”, по выражению Патриарха, “приёмный сын привидения” – персонифицированная Смерть.

И тогда получается вот что:

*Месяц светит.
Мертвец-Самозванец едет.*

Котёнок плачет (животное, как известно, остро чует приближение человеческой смерти и всякую нечисть),

*Юродивый, вставай,
Богу помолися!*

Приходит на ум и русская поговорка, записанная В. И. Далем: “На месяце видно, как Каин Авеля убил”. Мертвец несёт с собой погибель – он сам есть сын погибели. “Живой труп”. Как отвратить её, когда весь народ охвачен наваждением и прелестью? “Юродивый, вставай, Богу помолися!” НЕКОМУ больше! Все охвачены безумием... “Господи помилуй!”

В кажущейся “детской”, а то и “бессмысленной” песенке Юродивого – ключ к пониманию трагедии. В ней, как в зародыше, заключено всё: в лице самозванца грядёт смерть. И некому понять это и помолиться в надежде отвести беду, кроме прозорливого Юродивого. Он единственный среди одержимых, кто не подвержен бесовским чарам, кто видит, “прозревает” всё происходящее окрест. Он живой и одинокий символ Святой Руси, а никакой не “глас народный”, ибо народ впал в прелесть.

Итак, на Русь скачет смерть.

Но на этом пророчество или предсказание Юродивого не заканчивается. На просьбу Бориса помолиться за него Николка отвечает: **“Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода – Богородица не велит”**.

При всей своей кажущейся простоте, ответ Николки несёт в себе очень важные смыслы. Начнём с того, что упоминание имени Ирода непременно ассоциируется с избитием 14 тысяч младенцев – первых мучеников за Христа. Церковь отмечает их день 29 декабря по старому стилю. Все они прославлены, то есть причислены к лику святых. Однако в контексте трагедии упоминание имени царя Ирода – это не только напоминание о первых христианских мучениках, но и тонкий намёк-напоминание о святости убиенного Борисом царевича.

Упоминание Иродова имени – это ещё и напоминание о его ужасном земном конце: сей царь иудейский умер в страшных мучениях, будучи заживо изъеден червями. Это, в свою очередь, предсказание ужасной смерти Бориса.

И ещё: за царя Ирода даже помолиться нельзя: **“Богородица не велит”**. Первоначально в пушкинской рукописи значилось: “Христос не велит”. Однако в печатном варианте стоит **“Богородица не велит”**. Думается, смысл такой замены был в том, чтобы показать совершенно безнадёжное положение Бориса. Богородица – “Заступница усердная” за нас, грешных, перед Господом. И если уж Богоматерь не велит за кого-то молиться – значит, это совсем ужасный и не заслуживающий снисхождения грешник.

Интересно, что в то же самое время, когда решался вопрос о возможности публикации “Бориса Годунова”, Пушкиным было написано знаменитое стихотворение “Жил на свете рыцарь бедный...” И финал его таков: бес уж собирался тащить рыцаря в свой предел,

*Но Пречистая сердечно
Заступилась за него
И впустила в Царство Вечно
Паладина своего.*

Как о “тёплой Заступнице мира холодного” писал о Божией Матери в своей “Молитве” и Лермонтов.

Тему царя Ирода по-своему интерпретировал и эксперт III Отделения Е. И. В. собственной канцелярии. “В сцене юродивого, – по его мнению, – слова: не надобно бы молиться за царя Ирода, хотя не подлежат никаким толкам и применениям, но так говорят раскольники и называют Иродом каждого, кого им за благорассудится, кто бреет бороду и т. п.” (*Сочинения А. С. Пушкина / Редакция П. А. Ефремова. Издание А. С. Суворина. Том VIII: Примечания, добавления и поправки. СПб, 1905. С. 411*).

А вот слова Юродивого после его обращения к Борису у Мусоргского (в либретто оперы):

Юродивый (вскакивая)

*Нет, Борис! Нельзя, нельзя, Борис!
Нельзя молиться за царя Ирода!
Богородица не велит.*

(Смотрит в недоумении по сторонам; садится на камень и штопает лапоть):

*Лейтесь, лейтесь, слёзы горькие,
плачь, плачь, душа православная.
Скоро враг придёт,
и настанет тьма,
темень тёмная, непроглядная.
Горе, горе Руси,
плачь, плачь, русский люд, голодный люд!*

Вот такую “расшифровку” пушкинской песенки Юродивого дал Модест Мусоргский.

Смеем утверждать, что без Юродивого не состоялась бы и сама пушкинская трагедия. Он в ней – духовный стержень Руси, благодаря которому она жива и благодаря которому восстанавливается из пепла Русское государство. Именно он и никто иной.

Сколько чернил изведено на комментировании реплики “силны мы мнением народным” и доказывании тезиса о том, что “народ – главное действующее лицо в трагедии Пушкина”! Этим в советской филологии традиционно утверждается также тезис о “народе как движущей силе”, наделяемой к тому же качеством носителя некоей вневременной “правды”, которая в народе “живёт” и неизменно “побеждает”.

Однако если вспомнить “теоретические обобщения” пушкинских героев, достойные, а то и превосходящие по точности и глубине теоретические выкладки Г. Лебона, то есть над чем призадуматься. Сами “богоносцы достоюевские”, о которых говорит булгаковский герой, становятся легко подвергаемы мороку, объяснить который одной лишь “активной пропагандой” “идеологического штаба” Самозванца не представляется возможным.

Религиозно-мистическая основа “разорения” Руси была ясна русским писателям XVII века: – Россия наказана Господом “за грехи наши”. А самому понятию греха тот же Иван Тимофеев придаёт всеобъемлющее значение, ибо виновно всё русское общество: “Все, от младенца до старцев, согрешили”; “Ибо согрешили все от головы до ног, от великих до малых, т. е. от святителя и царя, от иноков и святых”.

Только подобная **всеобщая виновность всего русского народа перед Господом** и могла стать, по убеждению Тимофеева, *причиной постигшего её бедствия*. И недаром он пишет: “Не чужие нашей земли разорители, а мы сами её погубители”.

Главный же грех заключается, конечно же, в том, что русские люди в “безумной гордости” своей утратили страх Божий и уклонились от заданного Господом пути: “Ради этого на нас, как знающих Его волю и не исполняющих её, прежде всех народов пало гневное определение Божие, и Он наказаниями, как рулём, обращает нас к Себе от уклонения с пути Его”.

О том же говорится и в “Плаче”: “Грехов же ради наших, всего православного христианства, опять под тем же именем царя Димитрия иной враг явился и прельстил малоумных и безумных, одержимых пьянством людей...”

В предпоследней сцене трагедии (“Лобное место”) народ уже – хозяин столицы и подлинный представитель народа – мужик; он даёт сигнал мятежу (“Народ! Народ! В Кремль, в Царские палаты! Ступай! вязать Борисова щенка!”), после чего перед зрителями развёртывается сцена народного бунта.

Народ же у Пушкина изображен таким, каким он есть и бывает в разные моменты своей жизни и – больше того – в своём бытии: ведомым, подверженным всем тем же страстям, что и каждый отдельный человек. Один и тот же народ кричал в Иерусалиме “Осанна!” и “Распни его!”, причём по прошествии всего каких-то пяти дней.

Грехи наши тяжкие

Народ может мгновенно превратиться в одержимую и иступлённую толпу, “голосующую сердцем” (“Что толковать? Боярин правду молвил. // Да здравствует Димитрий, наш отец!”, “Ельцин – наш президент!”). Помнится, Борис говорит о **бесновании** народа (“Они ж меня, *беснуясь*, проклинали”). Разумеется, чёрную неблагодарность “подлых людишек” в ответ на царские благодеяния можно рассматривать в качестве “беснования”, но у Пушкина случайных слов не бывает. И все характеристики “черни”, в которую превращается и “элита”, даваемые что Борисом, что Шуйским, что Басмановым, оказываются вполне адекватными.

Следует всё же признать: хотя народ и обозначен в пушкинской трагедии в качестве действующего лица, однако полноценным персонажем назвать его едва ли возможно. Народ в “Борисе Годунове” – это краска, “шум за сценой”, “шелест листьев и небесный гром”, эмоциональный и психологический фон, на котором разыгрывается трагедия, отношение к происходящему. Настроение, наконец.

Пушкин поставил вопрос о коллективной вине народа. Трудная и тяжёлая тема.

Прогневали мы Бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли.

Как видим, Пимен совершенно не принимал во внимание тогдашние “избирательные технологии”, применением которых можно было бы оправдаться — от знатного боярина до простолюдина: **ВСЕ МЫ** виноваты, **ВСЕ МЫ СОГРЕШИЛИ**. Это есть православный взгляд на вещи, отражённый в пушкинской трагедии. Собственно, сказать иначе, что-то вроде “народ виноват” (“не за того проголосовал”), православный монах Пимен не мог по определению.

По сути, Пимен — это воплощённое сознание русских писателей XVII века, полагавших, что беды и несчастья, обрушившиеся на Русь, суть следствия её великих прегрешений. Так что выяснять, в чём конкретно состоит вина народа в избрании Годунова, дело любопытное для юриста, но бессмысленное для художника. Однако именно с этого и начинается трагедия народа — “народная трагедия”, о которой говорил Пушкин во всех её смыслах: и как новый русский литературный жанр, и как трагедия народа. Всё последующее в пьесе — следствие.

Но не только в этом заключается грех народный.

Вспомним сцену в корчме. “Плохо, сыне, плохо! — говорит Варлаам, — **ныне христиане стали скупы; деньгу любят, деньгу прячут. Мало Богу дают. Прииде грех велий на языцы земнии. Все пустилися в торги, в мытарства; думают о мирском богатстве, не о спасении души. Ох плохо, знать пришли наши последние времена...**”

“Народ безмолвствует”

Слов “народ безмолвствует” нет ни в одной авторской рукописи “Бориса Годунова”. Споры, начатые в позапрошлом веке, сводятся к тому, кто внёс в предназначенный для печати текст эту ставшую знаменитой ремарку: Пушкин или цензор? И кто её автор? Пушкин или цензор? Советское литературоведение, в отличие от сомневавшегося царского, считает, что Пушкин.

А что же было в рукописи? А было вот что: “Вместо слов: “Народ безмолвствует” в рукописях II и III пьеса оканчивается возгласом народа: “**Да здравствует Царь Димитрий Иванович!**”.

Итак, “Да здравствует Царь Димитрий Иванович!”

А теперь вдумаемся: **народ стал... цареубийцей**. Начинается трагедия с того, что народ прогневал Бога, нарекли владыкою себе цареубийцу, а заканчивается тем, что народ сам становится цареубийцей.

Конечно, могут возразить, что убил царя Феодора не народ, а вполне конкретные и известные ему лица, и что народ отнюдь не был един в желании “вязать, топить “Борисова щенка” (“Да гибнет род Бориса Годунова!”) и лишь “поддался на провокационные призывы” и теперь, согласно пушкинской ремарке, **“несётся толпою”**. Находились в его числе те, кто жалел “несчастненьких”. Но ведь поддался же! И ринулся кровожадною толпою в царские палаты убивать законного царя, только всё совершилось без его участия.

И если первый грех, по земным меркам, более или менее извинителен, учитывая “чистоту выборов” и “избирательные технологии”, то здесь оправдания уж нет. А тут ещё тотчас же после цареубийства и радостный крик: “Да здравствует Царь Димитрий Иванович!”

И даже если убрать эту реплику и заменить её на “народ безмолвствует”, свидетельствующую об осознании глубины содеянного, то факт цареубийства этим всё равно не отменяется. Как бы то ни было, но Пушкин спрессовал историческое время, оставшись верным исторической и художественной правде.

Было бы ошибочным, на наш взгляд, представлять автора трагедии в качестве морализатора. Дело куда глубже и сложнее. С православной точки зрения, судьбы царя и народа неразрывно связаны: за беззакония правителей отвечает народ, и наоборот, властители несут ответ за беззакония народа. И если их подвиги и добро становятся залогом благополучия державы, то их грехи могут привести к бедствиям для страны. И, следовательно, молясь за “великих царей”, потомки молятся о самих себе, в том числе и за свои грехи и “тёмные деянья”. Это всеобщая связь царя и народа, прошлого, настоящего и будущего. Так что “Борис Годунов” актуален всегда. Эта вещь о нас с вами.

Средь неведомых равнин
(“Равнина близ Новгорода-Северского”)

Эта сцена упоминается филологами, как правило, вскользь, в качестве “иллюстративной”. Слово дважды лауреату литературных премий Д. Благому: “В то время, как на стороне самозванца, точнее – боярства, стоит народ, в качестве защитников царя, кроме Басманова, Пушкин выдвигает иноземных наёмников. По историческим данным именно иностранцы были самой сильной частью войск Годунова, которой, в частности, он был обязан разгромом названного Димитрия при битве в Добрыничах. **У Пушкина, наоборот, иностранные начальники показаны в сцене XVI в самом нелепо-шутковском виде.** Неприязь к иностранцам, занимавшим в Александровской и Николаевской монархии важные государственные посты, “немцеедство”, как известно, занимали видное место в идеологии декабристов и вообще либерального дворянства времени Пушкина (Каховский, Ермолов, Грибоедов и др.). **(Д. Благой. Социология творчества Пушкина. Этюды. Второе дополненное издание. М., Кооперативное издательство “Мир”, 1931. С. 70).**

О “балаганном” характере сцены сражения писал и ещё один широко известный в узких кругах литературовед – Е. Г. Эткинд: “Капитан Маржерет говорит по-французски, Вальтер Розен – по-немецки; этот эпизод носит неожиданно балаганный характер” **(Эткинд Е. Г. Божественный глагол. Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М., “Языки русской культуры”, 1999, С. 393).**

Вообще-то совершенно непонятно, что в сцене “Равнина близ Новгорода-Северского” “балаганного”? То, что один капитан – Маржерет – говорит по-французски, а другой – Розен – по-немецки, то есть каждый на своём родном языке?⁸ Или то, что они прекрасно понимают друг друга, несмотря на разноречие? Но в том нет ничего удивительного: оба они “европейцы”.

То, что два капитана говорят в пьесе не по-русски, есть не что иное, как художественный приём, помогающий, читателю/зрителю нагляднее увидеть ситуацию. Ведь заговоры они по-русски, их было бы не отличить – что на сцене, что в тексте – от русских воевод, русских людей. А тут – у каждого свой язык, своя манера речи и выражения чувств. Да и мелодика французского и немецкого языков – разная, а посему каждый персонаж наполняется в прямом и переносном смыслах своим, только ему присущим, “звучанием”. К тому же публика в пушкинские времена в подстрочном переводе не нуждалась.

Эта сцена кульминационная, ибо в ней раскрывается весь трагизм положения и сознания русского воина, русского православного человека.

Начинается она так: “В о и н ы (бегут в беспорядке) Беда, беда! Царевич! Ляхи! Вот они! вот они!”

Беда. Царевич. Ляхи.

Один событийный и смысловой ряд. Ключевое, главное слово: “Беда!”

Воины бегут в беспорядке.

Скоро эта беда – лже-царевич и ляхи – войдут в Первопрестольную, и явит себя во всей его полноте наказание Господне. Ну, и где тут “шутство” и “балаган”?

Попытаемся войти в положение бегущих и понять их душевное состояние. Всё просто и неразрешимо одновременно: с одной стороны, присяга Годунову – законному царю, но цареубийце, с другой – “законнейший” Русский царевич, но идущий на Русь с иноземцами – извечными супостатами злокозненными ляхами. Уже одно это вносит в сознание “когнитивный диссонанс”. **Русь и законный царь-святоубийца – по одну сторону, “законнейший царь” в союзе с врагами Руси – по другую. И выбор между ними православный воин должен делать здесь и сейчас: не на завалинке, а сражаясь.**

Страшно идти против Русского царевича – “грех велий”, но он ведёт с собой на Русь полки еретиков.

Страшно и защищать царя-“святоубивца” – “велий грех”, но долг требует защищать Русь от иноземцев. И не просто от иноземцев, а от еретиков! Защищать веру православную.

Вот такая напасть!

Сбилась мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Что делать православным?

Нет “лучшего” решения. Оба катастрофичны.

Сам же русский воин отнюдь не труслив. Он Бога боится. Боится согрешить против русского царевича — “бича Божия”.

Понятия Отечества и Царя, доселе нераздельные, теперь расходятся. Триада “Вера—Царь—Отечество” дала трещину и распадается. Так начинается **народная трагедия**, точнее, одна из её ипостасей. И в том один из глубочайших смыслов пушкинского “Бориса Годунова”.

Но и здесь Пушкин показывает иные ниши и плоскости народного сознания. Читаем сцену “Севск”.

Идёт допрос военнопленного — дворянина Рожнова. Перед лицом смерти (а кто может гарантировать ему жизнь?) он держится уверенно, с достоинством защищая честь русского воина: осаживает кичливого ляха, грозя тому кулаком, а на вопрос Самозванца, что думают о нём в войске, прямо в лицо говорит ему вора. Добавляя, правда: “Будь не во гнев”. Хоть **“вор**, а молодец”. Рюриковичу, Божиим Промыслом спасённому, такое не скажешь, а самозванцу, “неведомому бродяге” — вполне.

В общем войско, по свидетельству Рожнова, “довольно всем”, “говорит о милости Самозванца”, считая его одновременно **“вором**. И молодцом”. Прав душевед и циник Шуйский: людям “нравится бесстыдная отвага”.

Но вернёмся на поле битвы под Новгород-Северский, в которой участвуют иностранные наёмники под командой двух капитанов — Ж. Маржерета и В. Розена. Нравственно-религиозная проблема, возникшая у русских воинов, совершенно не стоит перед двумя иноземцами, честно и добросовестно выполняющими свои профессиональные обязанности. Воевать — работа этих поневоле странствующих рыцарей, их профессия и призвание. Их честь — верность. Верность тому, с кем заключён у них “трудовой договор”, “контракт”, — нанимателю⁹.

А посему вид бегущих ратников, не желающих выполнять свои прямые обязанности, им отвратителен. Маржерет даже переспрашивает, “что значит *“pravoslavni”?*”. Трудно вообразить, что он, живя уже не первый год в православном государстве, никогда не слышал такого слова или не удосужился узнать его значение, а потому понять реплику француза иначе, чем возмущение нельзя: “Что это за причина и отговорка такая, оправдывающая своё бегство с поля боя, *“pravoslavni”?*!”¹⁰

Спросим себя, как должен был поступить в сложившейся ситуации православный русский воин, боящийся совершить великий грех?

“Сбились мы. Что делать нам!”

Трагизм ситуации в том, что, как бы ни поступили русские ратники, они в любом случае так или иначе ухудшают и своё положение, и положение России. И теперь от их трусости или героизма мало что зависит: механизм смуты и разрушения запущен и уже неостановим.

“Канальи! Сброд! Сволочь!” — Маржерет не слишком щепетилен в выборе речевых оборотов¹¹. В критической ситуации трудно требовать от боевых командиров, чтобы они выражались, словно в светском салоне, да ещё в обществе дам.

Великолепен Розен. Он внутренне сосредоточен, немногословен и решителен. Одно слово — немец. Похоже, что скупому на слово остзейцу тирады Маржерета действуют на нервы: немецкий капитан и сам всё видит, а руганью дела не поправить, оттого-то так односложны его ответы темпераментному и экспансивному французу. Они, в сущности, дань вежливости разгорячённому собеседнику: молчать в ответ — бестактно.

Можно, конечно, вообразить себе карикатурного, “туповатого немчуру”, но даже если и так, то благодаря упорству и мужеству он и его подчинённые, как выясняется впоследствии, “порядком отразили” атакующих. Нет, никакой “карикатурой” здесь и не пахнет.

Иностранцы в сцене — это художественный приём, с помощью которого возникает дополнительная возможность взглянуть на ситуацию и русского

человека со стороны, infine. Оптика Пушкина такова, что предмет рассматривается одновременно с нескольких позиций, в ходе чего происходит наложение одного видения ситуации на другое. Этим достигается объективность взгляда на происходящее. Пушкин никогда не “болеет” за какую-то одну из противоборствующих сторон; он всегда *над схваткой* и стремится показать правду и неправду обеих сторон.

Два мира, два понимания долга. Но для русского воина религиозно-нравственный выбор трагичен и мучителен, для иностранца его не существует вовсе.

В этой сцене, помимо прочего, звучит мотив противопоставления западноевропейского наёмного воинства с его кодексом служения с “верностью тому, кто платит – от сих до сих, в соответствии с условиями контракта”, где духу отводится место на периферии сознания, служивому русскому воинству, которое без Царя и твёрдой веры воевать нормально попросту не умеет и не может.

Пушкин рисует поразительную картину: Россия и Запад смотрят друг другу в глаза и без обиняков говорят о друг о друге то, что думают. Для русских Маржерет – “лягушка заморская”, “квакающая” на Русского царевича, “басурман”, не вмещающий в себя смысла и трагизма сложившейся для православного русского человека ситуации. Каждая из сторон достойна сочувствия, каждая достойна порицания. Тут нет правых. Налицо два разных мира, и вместе им не сойтись: если русский всегда поймёт Маржерета и Розена, то иностранцы русских – едва ли. Иноземцы попросту не дают себе труда задуматься о поведении “этих странных русских”.

Консультант настоящей работы И. Мухин высказался по сему поводу так: “Думается, Маржерет прекрасно понимает, почему именно бегут русские, полностью осознаёт причину их внутреннего духовного конфликта и одним словом именует эту причину. И в его *pravoslavni* выражается в то же время гордость наёмника-иноземца своим меньшинством, дающим ему независимость от Веры и личной преданности...”

...А за плечами двух бьющихся ратей выются ангелы и демоны”.

Русские для Маржерета и соглашающегося во всём с ним тевтона Розена – “рвань окаянная”, “сволочь проклятая”, “презренные каналы”, ноги которым служат лишь для того, чтобы удирать с поля боя. Матёрым “профи” можно даже посочувствовать: им опять достался “некачественный народ”. Как бы то ни было, а два странствующих по миру в поисках заработка капитана ведут себя как настоящие мужчины и воины, по-рыцарски: вид бегущего в панике войска не способствует укреплению нервов и поднятию настроения. Возникает соблазн бежать, пришпорив коня, и самим. Но что мы слышим?

“Тысяча дьяволов! Я не сдвинусь отсюда ни на шаг! – восклицает Маржерет, обращаясь к Розену. – Вино откупорено, его нужно пить!” Советские комментаторы перевели эту известную французскую поговорку так: “Раз дело начато, надо его кончить”.

“Что скажете на это?” – спрашивает Маржерет Розена.

“Вы правы”, – отвечает французу скупой на слова немец. Он весь комок нервов, и вид бегущего русского войска тоже не добавляет ему ни оптимизма, ни бодрости, ни уважения к “товарищам по оружию”.

Помимо прочего, затронута профессиональная честь и репутация обоих капитанов. Каково будет им смотреть в глаза друг другу, обратившись в бегство, хотя ретирады на войне – вещь обычная, а порой и неизбежная. И кто таков в их глазах, для них, “матёрых профи”, воин-“любитель” Самозванец? “Браток”, “бродяга”, “хулиган из подворотни”, “шпана”, вынужденная волею случая “водить полки”! И уступить такому – не уважать себя, тем более что он сущий голворез, которого непременно следует укоротить. А потому – вперёд, марш!

“Сейчас мы его сделаем!”

Немногословный и упорный Розен¹² берёт инициативу в свои руки (“немцы строятся”, как гласит пушкинская ремарка): “Hilf Gott!”

Вот они, как на ладони – “парение и вес”, “английский счёт”, “французский блеск” и “немецкое упорство”, о которых писал Поэт (с большой буквы) Ю. П. Кузнецов.

И где тут “шутовство” и “балаган”, о котором говорят иные спецы, зарабатывающие себе на хлеб Пушкиным?¹³ Где тут издёвка над иностранцами, “немцеведство декабристское”?¹⁴ Из текста и смысла пьесы это никак не вытекает.

Рассуждения о “балагане” и “шутовстве”, “пушкинской издёвке над иностранцами” больше напоминают кухонные разговоры, нежели серьёзный анализ¹⁵.

Куда больше смысла будет в утверждении, что “в сцене “Равнина близ Новгорода-Северского” содержится 239 слов, 1275 знаков (без пробелов), 1475 знаков (с пробелами), 48 абзацев и 55 строк”. Во всяком случае, опровергнуть это будет проблематично.

Post Scriptum

“Я была у обедни в крепости и стояла около гробницы Государя и Государыни. Толпа была так велика, что, раз ставши, нельзя было сделать ни малейшего движения. В течение тех двух часов, что длилась служба, ни на минуту не останавливался поток людей, проходивших мимо гробницы государя, чтобы поклониться ей. Тысячи людей приходили почтить эту могилу, буквально утопавшую под серебряными венками, нагромождёнными на ней. Какая загадка – страстный культ, воздаваемый памяти покойного государя, и возможность чудовищного покушения, таким ужасным образом превратившего его жизнь среди белого дня, в центре его столицы, среди того самого народа, который его боготворил! Мысль цепенеет перед этой странной загадкой”¹⁶.

Так записала 25 марта 1881 года в своём дневнике А. Ф. Тютчева – православный русский человек, наделённый Богом добрым сердцем, ясным умом и твёрдой волей.

Люди прощались с Александром Вторым Освободителем.

Он погиб спустя двести семьдесят пять лет со дня убийства юного Царя Феодора Годунова и восемьдесят лет – после умерщвления Императора Павла Первого.

“Я сочувствую идеям, которые высказывает Ваш муж, – говорил А. Ф. Тютчевой Александр Третий. – По правде сказать, его газета – единственная, которую можно читать. Что за отвращение вся эта петербургская пресса – именно гнилая интеллигенция. Они вообразили, что теперь хороший случай ставить мне условия”¹⁷.

“Судебное следствие, полное потрясающих фактов и страшных подробностей, раскрыло такую мрачную бездну человеческой гибели, такую **ужасающую картину извращения всех человеческих чувств и инстинктов**, что нам понадобится всё мужество и всё кладнокровие гражданина, пред которым внезапно открылась зияющая глубокая язва родины, и от которого эта родина ждёт первого ближайшего спешного средства для своего исцеления, – говорил на Процессе по “Делу 1-го марта” прокурор Н. В. Муравьёв. – Смех Желябова. Тот весёлый или иронический смех, который не оставляет его во время судебного следствия и который, вероятно, заставит его и потрясающую картину события 1-го марта встретить глумлением... **когда люди плачут – Желябовы смеются**”¹⁸.

“Что же это такое, – негодовал В. В. Розанов, – что же это за помесь **Безумия и Подлости**, что когда убили Александра II, который положил же свой **Труд и Пот** за Балканы, тот же Струве не выдавит из себя ни одной слезинки за Государя, ни одного доброго слова на его могилу, а льстиво и лакейски присюсюкивает у Желябова, снимает с него носки и чешет ему пятки, как крепостная девчонка растопыренному барину...” (Розанов В. В. **Опавшие листья. Короб второй**. // Розанов В. В. **Том 2. Уединённое**. М.: Издательство “Правда”, 1990. С. 625).

И спустя два десятилетия Василий Васильевич не переставал возмущаться: “Поистине цари наши XIX века повторяли работу московских первых царей – в невозможных условиях хоть построить что-нибудь, хоть сохранить и сберечь что-нибудь. В “невозможных условиях”: так как когда общество ничего не делает и находит в том свою гордость.

Безумие, безумие и безумие; безумное общество” (Розанов В. В. **Опавшие листья. Короб второй**. // Розанов В. В. **Том 2. Уединённое**. М.: Издательство “Правда”, 1990. С. 627).

Розанов тонко чувствовал приближение Большой Беды. Вскоре царь был низложен и убит, а Русь, по словам философа, “слияла в три дня”, погрузившись в такую Смуту, что ни словом сказать, ни пушкинским пером описать. И вновь разгуляются на Руси бесы – “бесконечны, безобразны”, и помчатся по ней “рой за роем”. И не будет числа хлынувшим на неё самозванцам.

Пушкин, как явствует из его писем, намеревался развивать тему Смуты и порывался было написать, как минимум, ещё одно произведение, действующими лицами которого должны были стать Василий Шуйский и Марина Мнишек. Однако в дальнейшем от идеи своей он отказался. Возможно, потому, что тема Смуты была уже исчерпана в “Борисе Годунове”, и продолжение её носило бы исключительно историко-иллюстративный характер, не прибавляя к уже сказанному ничего принципиально нового.

Завершив “Бориса Годунова”, Пушкин напишет своего “Пророка”. Кто не помнит этих строк?

И Бога глас ко мне воззвал:

“Восстань, пророк, и виждь, и внемли,

Исполнись волею моей...”

Принято полагать, что эти строки – поэтическая метафора. А что если предположить, что это реальный факт биографии Пушкина?

Создав, исполнившись Вышней волею, “Бориса Годунова”, Пушкин и впрямь обрел дар пророчества.

Отголосок этого события можно услышать в письме поэта к Жуковскому от 6 октября 1825: “... я не умру; это невозможно; Бог не захочет, чтоб “Годунов” со мною уничтожился” (*Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 9, М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 212*).

Пушкин просто обязан был донести своего “Бориса” до России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Уильям Шекспир. “Гамлет”. Перевод М. Лозинского.

² Преподобный Серафим Саровский (по Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря), запрещая верить снам, приводил цитату из святых Варсонунфия и Иоанна, в которой говорилось, что никаким сном верить нельзя. Что же до народного поверья, что один и тот же троекратно увиденный сон – сон вещий, то врагу рода человеческого так же легко показать три раза один сон, как и один раз.

³ “Еретическим умыслением назвался царём” по смыслу славянского языка означает также “по умыслению еретиков был назван царём”, то есть то, что Григория использовали еретики в качестве своего орудия. Какие именно еретики? Это совершенно очевидно – католики-поляки, которые его прислали с войском, как настоящего царя Дмитрия. Впоследствии они повторяют свою еретическую попытку, попытавшись посадить на московский стол королевича Владислава.

⁴ В. С. Непомнящий, возвышающийся в отечественной пушкинистике Александровским столпом, отмечает, что “главные итоги этого процесса выглядят, с точки зрения интересов “лиц”, неожиданными, парадоксальными и нелепыми: ни один из “субъектов” действия не достиг того результата, к которому были направлены все его усилия, больше того, результаты прямо противоположны усилиям. Борис умирает фактически после победённых, Самозванец на пороге разоблачения, народ жестоко обманут, и это сделано с его же собственной помощью. Действия “лиц”, действия поступательные, направленные ими прямо, вперёд, без их ведома и воли отклоняются от целей и ведут в противную сторону. “Субъекты” действия оказываются лжесубъектами; налицо не их “достижения”, а их судьбы, и притом для них нежелательные” (В. Непомнящий. ПУШКИН. Избранные работы 1960-х – 1990-х гг. Т. I. Поэзия и судьба. М., “Жизнь и мысль”, 2001. С. 193).

⁵ Впрочем, дословная исконная этимология слова “лукавый” – это “гнутый”, “изогнутый”. Однокоренные слова “лук”, “лука” седла, “излучина” реки, “прилучилось”, “случилось” (буквально – внезапно обнаружилось после поворота). Антоним к “прямой”. Лукавый – это “весь изогнутый”. Яркая характеристика змия, который может передвигаться, только изгибаясь весь, и не может двигаться прямо.

⁶ Как отмечает В. С. Непомнящий, “во время этого рассказа воцаряется “общее смущение. В продолжение сей речи Борис несколько раз утирает лицо платком”. После монолога Патриарха следует ремарка “Молчание” – огромная пауза всей Думы. Читателю и зрителю пушкинского времени должно было быть понятно, в чём дело: “святые мощи”, чудотворные останки могли принадлежать только невинно убиенному младенцу (а не погибшему случайно, как утверждала официальная легенда). Простодушный Патриарх совершил чудовищную “бестактность” –

публично подтвердил, что царевич был убит". Этим-то Пушкин, по Непомнящему, и выставил Патриарха "дураком". Пушкин же, как уже говорилось, оправдывался тем, что "по рассеянности" (В. Непомнящий. ПУШКИН. Избранные работы 1960-х–1990-х гг. Т. I. Поэзия и судьба. М., "Жизнь и мысль", 2001. С. 205.). При этом В. С. Непомнящий подчёркивает, что "Патриарх (его предложение было мудрым и единственно здравым в тех обстоятельствах) – "дурак" в том же смысле, как и Юродивый ("Поди прочь, дурак!.."), – он говорит ту правду, о которой все молчат" (там же).

⁷ Могут возразить, что в "Полтаве" "лик" и у царя Петра ("Лик его ужасен"). Однако не стоит забывать, что в том контексте Пётр весь предстал, "как Божия гроза".

⁸ Любопытная деталь: литератор-диссидент Е. Эткинд эвакуировался в Париж в 1974 году, а посетив наверняка успел посмотреть знаменитый телефильм "Семнадцать мгновений весны". В нём, как известно, Штирлиц предупреждает радиосту Кэт о том, что во время родов женщины кричат на своём родном, а не иностранном языке. Роды – дело ответственное и критическое, связанное в ряде случаев с известным риском для жизни. Ситуация, когда войско бежит в беспорядке, тоже критическая. Потому нет ничего удивительного в том, что Маржерет говорит со своим коллегой и ругается "по-матерну" на родном ему французском, а сжавшийся до предела стальной пружиной Розен отвечает ему тоже на своём родном языке – немецком. Напряжение проигрываемой битвы: все нервы командиров терпящей поражение стороны собраны в комок. Какое уж тут шутство! Может возникнуть вопрос: "Знал ли Пушкин о том, что узнал и о чём поведал радистке Кэт Штирлиц?" Как это часто порой случается, гений говорит больше того, что хочет сказать.

⁹ Нет ничего удивительного в том, что реально-исторические Маржерет и Розен верно служили впоследствии Лжедмитрию, ставшему царём, а капитан Жак Маржерет столь же верно служил и Лжедмитрию II!

В своих мемуарах Маржерет писал, – не то оправдываясь, не то вполне искренне, – что он был уверен в "идентичности Самозванца" (будущего царя) "спасшемся чудом" царевичу Дмитрию. Некие "трудности", вероятно, возникли у Маржерета при признании "тем самым царевичем" Лжедмитрия II. Но и с этим он благополучно справился. Лукавства было ему не занимать, капитан, как известно, плотно сотрудничал с английским резидентом в Москве Джоном Мериком, задания которого исправно выполнял.

Что же до В. Розена, то тут предоставим слово Ф. В. Булгарину (надеемся, Александр Сергеевич нас простит!), проводившему собственные исторические разыскания и сообщавшему в своём романе "Дмитрий Самозванец" о том, что тотчас же вслед за П. Басмановым Розен присягнул Лжедмитрию, а добрые немцы, невзирая на измену начальника своего, до конца держали сторону законного царя Феодора Борисовича – сына Бориса Годунова. Однако "сопротивление малого числа не помогло" (Булгарин Фаддей. Дмитрий Самозванец: Ист. роман /Под общ. ред. и с примеч. С. Ю. Баранова. Вологда: ПФ "Полиграфист", 1994).

¹⁰ Могут возразить: "Маржерет и впрямь не ведаёт, что значит "православный", иначе не стал бы спрашивать: "Qu'est-ce à dire pravoslavnii?.." – "Что означает слово *pravoslavnii*?" Однако, в любом случае, для него нет и быть не может оправданий бегству русских с поля боя. Ну, а лёгкая пушкинская ирония в Маржеретовом "пошоль назад" присутствует (как и во всяком пушкинском изображении иноземного рыцаря). Это уже взгляд русака-автора на своего героя-иноземца.

¹¹ Маржерет, пользуясь выражением Пушкина, "ругается по-матерну". В 1600 году Жак Маржерет завербовался на службу в Россию. В Москве капитан командовал пехотной ротой. Участвовал в борьбе против Лжедмитрия, а с приходом последнего в Москву стал начальником одного из отрядов гвардии. Маржерет прожил в России до сентября 1606 года, после чего уехал через Архангельск во Францию. Он был принят королём Генрихом IV, рассказывал о своих путешествиях и опубликовал о них книгу. Вскоре капитан вернулся в Россию, где поступил на службу уже ко Лжедмитрию II, а затем к польскому гетману Ходкевскому. Маржерет участвовал в Клуминской битве (1610), а в марте 1611 года – в подавлении восстания москвичей против интервентов, в поджоге и уничтожении Москвы. Осенью 1611 года капитан уехал в Польшу, а затем через Гамбург и Англию – во Францию. Вояж на Британские острова был продиктован тесными контактами с английским резидентом в Москве Джоном Мериком, поручения которого капитан неоднократно исполнял. О своём пребывании в России он, как уже говорилось, написал книгу, которую подарил королю Генриху. В России его записки использовали В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьёв, В. О. Ключев-

ский, 3. Ф. Платон, во Франции де Ту и Проспер Мери́ме. Все работы советских историков о России начала XVII века и все обобщающие труды, посвящённые этой эпохе, используют книгу Маржерета в качестве источника.

(Маржерет Жак. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (Тексты, комментарии, статьи) / Под ред. Ан. Береловича, В. Н. Назарова П. Ю. Уварова. М., "Языки славянской культуры", 2007).

¹² "Борис Годунов" стал вторым по счёту опубликованным произведением, в котором упоминается фамилия "Розен". Первым стала "Полтава", хотя написана поэма был позже "Бориса Годунова" — в 1828 году, а увидела свет в 1829-м ("Борис Годунов", завершённый в декабре 1825 года, вышел в свет в 1831 году). Впрочем, в "Полтаве" Розен воевал на стороне шведов:

*Пальбой отбитые дружины,
Мешаясь, падают во прах.
Уходит Розен сквозь теснины;
Сдаётся пылкий Шлипенбах.*

Розены верой и правдой служили России. Портрет одного из них — Г. В. Розена 2-го (1782—1841) — висит в Военной галерее Зимнего дворца в Эрмитаже. За участие в Битве под Аустерлицем барон Г. В. Розен был награждён золотой шпагой "За храбрость".

Нам неизвестны отзывы Григория Владимировича о "Борисе Годунове", и автору неведомо, прочёл ли тот вообще пушкинскую трагедию, хотя это более чем вероятно. В год же выхода в свет "Бориса" барон Г. В. Розен-2-й был одним из главных русских военачальников, приводивших в чувство польских бунтовщиков, продолжив тем дело своего пращура.

После окончания польской кампании он становится Главноуправляющим Грузии. Уже на следующий год барон обнаруживает антиправительственный заговор в кругу грузинского дворянства. По его приказу арестовано немало влиятельных лиц, а 120 человек привлечено к следствию. Однако по этапу в Сибирь двинулись лишь четверо. Прочие же, по милосердию Государя Николая Павловича, остались на свободе.

Административной работой Григорий Владимирович занимался рьяно, "работая с документами" даже по ночам, а всех подчинённых ему чиновников знал лично. Его сын Димитрий был в 1838—1840 годах однополчанином М. Ю. Лермонтова.

"На дружеской ноге" с Пушкиным был и другой Розен — Егор Фёдорович, — в прошлом гусар, а к моменту выхода в свет "Бориса Годунова" довольно известный литератор. Е. Ф. Розен был пылкий почитатель Пушкина и один из тех крайне немногочисленных критиков, кто дал восторженный отзыв на "Бориса Годунова". Критика, как известно, приняла "Бориса", мягко говоря, холодно, если не сказать, в штыки. Розен был одним из немногих, кто по достоинству оценил новаторство Пушкина.

Большинство авторов говорили, что "это — ни драма, ни поэма, ни повесть, а какой-то выродок, которому нет имени в теории литературы и который невозможно ни к чему приспособить". "Никто из критиков-самозванцев не умел оценить этого прекрасного творения, — писал барон Е. Ф. Розен С. П. Шевырёву. — Кривые толки, косые взгляды, шиканье, дурацкий смех — вот чем приветствовали "Годунова", творец коего во времена Петраки и Тасса был бы удостоен торжественного в Капитолии коронования. За отсутствием лучших критиков, я написал рецензию в "Лит. Газете". Кроме того, я ещё перевёл его на немецкий язык с рукописи автора — и заслужил его восторженную благодарность" (**Сочинения и письма А. С. Пушкина. Критически проверенное и дополненное по рукописям издание, с биографическим очерком, вступительными статьями, объяснительными примечаниями и художественными приложениями, под редакцией П. О. Морозова. Том третий. Поэмы, повести и драматическія произведенія въ стихахъ (1820—1833). С-Петербургъ. 1903. С. 258**). А в 1835 году барон опубликовал свою трагедию "Пётр Басманов", в которой Лжедмитрий как персонаж... отсутствовал. По рассказам Розена, Пушкин тому весьма удивился, но, ознакомившись с трагедией, согласился с автором: никакой надобности в Лжедмитрии в трагедии не было. Барон Егор Фёдорович стал автором либретто знаменитой оперы М. И. Глинки "Жизнь за Царя" (в советские времена — "Иван Сусанин").

В автобиографии, приложенной к немецкому переводу трагедии "Дочь Иоанна III" (СПб. 1841), столь понравившейся Государю Николаю Павловичу, Е. Ф. Розен писал: "Известнейшие наши литераторы часто выражали мне своё удивление, каким образом я, с трудом научившись русскому языку в манеже и на службе, так глубоко мог вникнуть в дух русской народности, как о том сви-

детельствовали первые мои драмы. Ответ был нетруден. Совершенно отлучённый от немецкого духа и от немецкой жизни — и в таком возрасте, когда сердце стремится в даль, в образованный мир, — я должен был удовольствоваться русской национальностью. Первые мои любовные излияния должны были выражаться на русском языке. Часто приходилось мне с гусарами стоять в степной деревне, в ста верстах от полкового штаба, идилично принимать участие в играх деревенской молодёжи, слушать старинные сказки от краснобаев, весёлые и унылые песни парней и девушек, одним словом, участвовать во всех отношениях народной жизни, и я неприметным образом всюю душой обжился с духом национальным. Могу сказать положительно — и моё суждение будет беспристрастно — что **в действительной жизни моей я ничего не встретил привлекательнее русской народной жизни**, как мы находим её вдали от столбовой дороги, в природном состоянии”. Так мог написать человек, для которого Россия — мать, а не мачеха.

В гипнотической сети интернет на сайте “Венёвский уезд” говорится об известном в конце XIX — начале XX веков в Тульском крае фенологе и ботанике Вальтере Вольдемаровиче Розене. Любопытно, что в черновиках Пушкина первоначально значилось не “Вальтер”, а “Вольмар” Розен. В 80-х годах позапрошлого века Вальтер Вольдемарович (Вольмарович / Больмарович) проживал в селе Свиридове Венёвского уезда. Так сходятся века.

¹³ Давным-давно автор вычитал в каком-то журнале, что Шекспиром в нашем мире кормится около 700 000 (семисот тысяч) человек.

¹⁴ Ну да. Имело место и “немцеество”. Был и А. П. Ермолов со своим бессмертным “Сделайте меня немцем, Государь!”, был и князь П. И. Багратион, рассорившийся с “немцем” Барклаем де Толли и отписавший военному министру кн. А. И. Горчакову: “Вся главная квартира немцами наполнена так, что русскому жить невозможно!” Но Пушкин-то со своим “Борисом Годуновым” здесь при чём? В Пушкине самом текла немецкая и шведская кровь (помимо эфиопской), что “не мешало” ему быть *из всех русских русским*.

¹⁵ Могут возразить, что Е. Г. Эткинд служил во время войны в армии. Да. Служил. Военным переводчиком. И работал с немцами, взятыми в плен. А это не одно и то же, что сталкиваться с ними на поле боя.

¹⁶ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания, дневник, 1853—1882 (пер. с нем. и фр.). Тула, “Приокское книжное издательство”, 1990. С. 339. Запись от 25 марта 1881 года. Анна Фёдоровна Тютчева (1829—1889) — дочь Ф. И. Тютчева. В 1853—1866 годах — фрейлина при цесаревне, затем императрице Марии Александровне. С 1866 года замужем за одним из лидеров славянофилов И. С. Аксаковым, издававшим еженедельную газету “Русь”.

¹⁷ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания, дневник, 1853—1882 (Пер. с нем. и фр.) — Тула: Приокское книжное издательство, 1990. С. 339. Запись от 25 марта 1881 г.

¹⁸ Из речи прокурора Н. В. Муравьёва на Процессе по “Делу 1-го марта” www.hrono.info/dokum/1800dok/188103procuror.php.